

343.3:33/.4/197

У Б И Й С Т В О комсомольца каминского

120

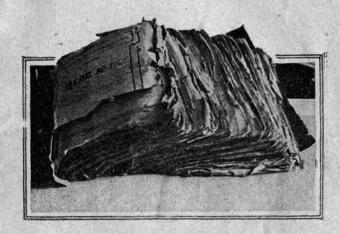
и. РУДНЕВ-РАЗИН.

убийство комсомольца КАМИНСКОГО

е 34 иллюстрациями в тексте и особым портретом п. каминского, овложка и худо-ЖЕСТВЕННЫЙ МОНТАЖ КНИГИ РАБОТЫ выпускал в. туницкий

"НОВАЯ МОСКВА" 1925 г.

Отпечатано в кол. 15.000 экз. в типографии "ДЕР ЭМЕС" Москва, Покровка 9, тел. 2-72-14. Гублит № 17.596.

ДЕЛО ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКОГО ГУБСУДА за № 263: судебное дело об убийстве Павла Каминского.

Ивано - Вознесенской организации комсомола книга посвящается.

- 1 . Wall of the same of the

П. Каминский

OT ABTOPA.

Настоящая книга составлена на основании подлинных фактов и документов. Собраны они при активном содействии Ивано-Вознесенского Губкома комсомола, главным образом, в лице тов. Завьялова.

Книга носит местами неполный, скомканный характер: целый ряд обстоятельств не позволил целиком использовать все имеющиеся материалы горко-павловской истории.

Восполнить этот пробел автор надеется в подготовляемом им к печати следующем издании книги.

В заключение большая благодарность тов. Марку Колосову, близко знакомому с историей смерти Павлуши, и давшему автору массу ценных указаний к составлению книги.

вместо предисловия.

Выписка из протокола заседания Бюро Иваново-Вознесенского Губкома Р. Л. К. С. М. от 14 февраля 1925 г.

СЛУШАЛИ:

ПОСТАНОВИЛИ:

Окниге т. Руднева-Разина «Убийство комсомольца Каминского», выпускаемой в издательстве «Новая Москва» МКРЛКСМ.

ATT TO THE REPORT OF THE PARTY OF THE PARTY

The transfer on the state of th

MANUAL CONTRACTOR

Историю геройской борьбы и смерти Павлуши Каминскою, верно и ярко описанную в книге тов. Руднева-Разина, должны прочесть все члены Иваново-Вознесенской организации РЛКСМ.

На ней рабочая молодежь сможет и будет учиться революционной стойкости, непоколебимой твердой уверенности в правоте своего дела.

Павлуша Каминский всегда был образцом комсомольца, который работал так, что отдавал все свои силы и жизнь на общее дело.

Пусть на его примере наша рабочая молодежь учится жить и бороться по-ленински. Пусть эта книжка поможет комсомолу воспитать в своих рядах еще сотни тысяч Каминских—преданных и стойких солдат великой революции!..

Секретарь Губкома РЛКСМ Завьялов.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

горко-павлово.

Посмотрите протоколы всех комсомольских собраний за апрель месяц (любого года) и вы убедитесь в том, что повестка дня урезана.

Один вопрос «примут к сведению» вместо того, чтобы подробно обсудить и потолковать, - а другой перенесут в «текущие дела».

Вот это-то и получилось на примере протокола № 83 от 26 апреля 1922 года Горко-Павловской ячейки Середского уезда, Иваново-Вознесенской губернии...

Поглядите сами:

ПРОТОКОЛ № 83.

Общее собрание Горко-Павловской ячейки Р.К.С.М.

СЛУШАЛИ

ПОСТАНОВИЛИ

1. О подготовке к празднованию

1-го мая. (П, Каминский). Товарищ Каминский говорит насчет необходимости каждому комсомольцу Горко-Павлово взять Все остальное, равно определенные задания, дабы не как инструкции, пред-

Председателем Комиссии по проведению 1-го мая назначить т. Каминского.

СЛУШАЛИ

ПОСТАНОВИЛИ

ударить лицом в грязь перед кре- ложитьпровести Камистьянством окрестных сел, которые искому, а также поломогут в большом количестве при- жить на совесть каждобыть. Тов. Каминский зачитывает му. подробный план.

2. Текушие дела.

Тов. Иванов докладывает, что насчет политпросвет-работы применительно к лету ни черта не выйдет. Уком треплется, а кон-

кретно?

Андреев просит Борьку Веденова обратить внимание, что лектор, который давеча из Иванова приезжал, насчет бога об'яснял больно языком непутевым. Так и непонятно, откуда перво-на-перво пошла жизнь?

политпросветов.

2. Принять к сведению.

з. Доклад об уездном совещании 3. Отложить на следующее собрание.

> Председатель собрания М. Игнатьев. Секретарь Иванов.

Ну, что? По первому вопросу никаких прений, а под крышкой «текущих дел» ухлопали дельный вопрос Иванова и нужную информацию Веденова.

Председателю собрания Михаилу Игнатьеву не надо было закрывать собрания, -- оно само собой закрылось в тот момент, когда Игнатьев открывал рот для того, чтобы заявить это.

Закрылось не поднятием рук, а ног: прямым сообщением через окно вывалили ребята на балкон, а оттуда рассыпались по парку.

Парк при Горко-Павловском клубе.

Вот вам и ключ к об'яснению закона об апрельских протоколах...

А парк при Горко-Павловском рабочем клубе осо-

бенно содействовал процветанию этих законов.

Не зря крупный Иваново-Вознесенский фабрикант Скорынин, которому принадлежала Горко-Павловская мануфактура избрал своей летней резиденцией Горко-Павлово. Скорынинская губа, покойная, была не дура.

Но не глупее оказались и Горко-Павловские комсомольцы: весной и летом вся политико-просветительная работа переносилась в большой, просторный

парк.

А сейчас, как вывалили через окно, так сразу открылись, молчавшие во время текущих и прочих дел, глотки.

Затягивал крепкий девичий голос.

Прижимались ребята к девчатам, и словно не было хрипоты даже у тех, кто ораторствовал на собрании.

> — Эх,-их-х... Хорошо страдать весною Под — зеленою сосною, Хорошо страдать у пруда Далеко ходить оттуда. Эх-и хорошо...

Расходились поздней ночью. Приплюснутые к земле избенки недовольно ворчали щеколдами, впуская загулявших жильцов.

Последним шел домой Павлуша.

Стройный, белокурый парень, выше среднего роста, самый веселый из всех Горко-Павловских комсомольцев-Павлуша привлекает к себе всех ребят.

Был у него нынче разговор канительный с Пашей.

До этого получил записку:

— «Милый Павлик! Сам знаешь, что я за тебя пошла бы от всего сердца. Но мама, она за гражданский не пущает, хотя я ей говорю:—мамаша, не навязывайте нам опиум и дурман. Всю ночь плакала и как дальше быть, ума не приложу. Твоя крепко любящая Паша».

Вот, если бы такого рода документы пришить к апрельским протоколам, то книга протоколов изрядно припухла бы...

Шумела речка Уводь, обсаженная по бокам оди-

нокой елкой.

Темнели синеющие днем леса.

A THE RESERVE THE PROPERTY OF THE PARTY OF T

Крепко спало фабричное село Горко-Павлово.

А во дворе, обнесенном густым забором, одиноке дремала фабрика, поблескивая чернотою екон.

о роста,

e election of the lane of the content of the conten

САМОУБИЙСТВО ПАВЛУШИ КАМИНСКОГО.

На утро 25 апреля 1922 года, после первого же фабричного гудка, вместе с радостным говором о первом мае, откуда то вполз в мастерские слух:

— Павлуша Каминский себя кончил...

И во дворе у кургузого бака с нефтью загудели хлынувшие из мастерских рабочие, потом они потянулись к желтому небольшому зданию:

На здании-ржавая вывеска:

«Больница».

Кричал кто-то:

 Товарищи, чего столпились, — в больницу, все равно никого не пустят.

Но рабочие не расходились.

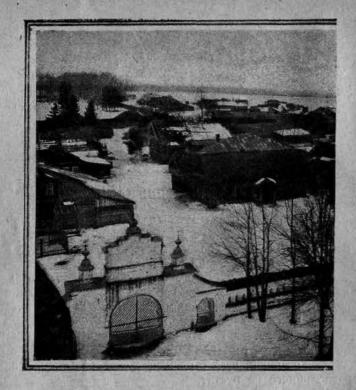
У ворот одиноко плакала Паша Стулова.

Круглые плечи дергались.

И фабричный сторож Кудрявцев, виновато всхли-

пывая, рассказывал в пятый раз:

 ...Говорил я ему. Павлуше-то, как газеты выкурили мы на курево, опосля чего только заметили, что газета она свежая, только давеча от Павлушки же полученная. Похлопал меня по плечу, да и говорит

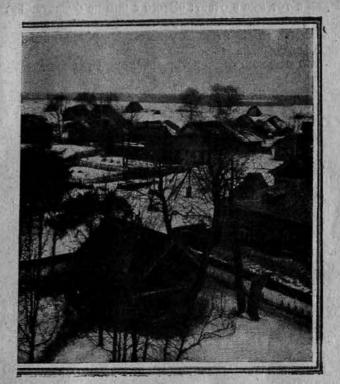

Общий вид села

Павлушка-то: ладно, Василий Иванович, не журись. Опосля обеда нову газетку дам.

Испуганно мигал сторож Кудрявцев старыми глазами.

А на улице, у здания Исполкома, взволнованно рассказывал собравшимся секретарь райхома комсомола Михаил Игнатьев:

Горко-Павлово.

— Стою я с Бартеньевым у клуба и разговариваю. Со мной Клашка Невольникова, еще девица Крылова разговор ведут, а с Бартеньевым опять-таки какая-то женщина тоже толкует. Потом минут через пятнадцать вхожу в свою комнату и... гляжу: лежит Павлуша на полу, голова у него под столом, ноги раскинуты врозь... Думаю,—никак припадок с ним? Зову мигом Бартенье-

ва, — а тот мне в ответ: «Этого с ним не бывает». Тут мы и побежали с Бартеньевым за носилками, а когда прибежали, глядим: голова у него прострелена, а возле револьвер лежит...

Так рассказывал секретарь райкома Игнатьев.

А где-то на краю села рванулась в домишке дверь. Из нее выбежала женщина, маленькая, сморщенная, в старинном одеянии.

Она метнулась по улице, хлюпая в размокшей грязи.

— Сына мово убили... Сына...

Чуяла материнским сердцем Карловна последние дни: «надвигается что-то на Пашку».

Мужа из-за Пашкиных неладов с директором уво-

лили со службы.

Сам Павлушка маялся без работы. Не принимая его Никишин. И тяжело приходилось семье с малыми ребятами.

Хлеба по людям не напросишься.

Завидя ее на улице однажды, сказал Никишин:

— У тебя, Евгения Карловна, в семье несколько ртов, —мал-мала—меньше. А один рот больно с языком-то уж длинным. Оттого и остальным ртам хлебушка не видать. А можно бы и пирога с маслом... Не грех бы...

Поняла мать Павлушки на счет чего намекает директор.

Дома старушка думала:

— Господи, чем это кончится?

По ночам пишет Павлуша в книгу. А потом, как спать ложится, книжечку ей припрятать дает и наказывает:

— Мама, береги и никому, —слышишь?!

Боялась этой книжечки Евгения Карловна. С синим переплетиком, испещренная знаками.

Не раз морщинки на лице сдвигались в грозную, морщинистую мольбу.

— Бросил бы ты это все, Павлик! Но встречалась с твердым взглядом. Молча прятала за печку книжку.

ГОРКО-ПАВЛОВО. Дом, в котором вырос и жил Павлуша Каминский.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ДЕТСТВО ПАВЛУШИ КАМИНСКОГО.

С малых лет парнишка хватил нужды. Еще малышем он помогал родителям, нанимаясь к соседям таскать хворостину или работая на фабричном дворе.

Семи лет Павлушка поступил в Горко-Павловскую сельско-приходскую школу, где проучился четыре года.

Каждая школа имеет своих героев. Таким героем в Горко-Павловской школе был Павлушка. Он был руководителем школьных шалостей. Для всех ребятишек он—непререкаемый авторитет.

Через учителей слава о нем дошла до фабриканта, который попросил мальчугана к себе. Учитель незамедлил продемонстрировать перед Скорыниным способности Павлуши.

 Ну, Каминский, скажи-ка наизусть поэму Пушкина «Медный всалник»!

— Сколько будет 23 раза 58?

— Какой самый большой город в мире?

Покровительственно хлопали его по плечу Скорынинские баре...

— Жаль только, что такой даровитый мальчик рождается у таких родителей,—недоумевающе фыркала Скорынинская бонна.

СЕМЬЯ КАМИНСКОГО: его мать, отец—член РКП с 1919 года, старший брат,— тоже член партии с 1919 года, и сестра комсомолка.

В плане Юлиана Каминского значилось, отдать Павлушку сейчас же по окончании школы в учение на фабрику.

Но по настоянию учителей Павлушка перекочевал по окончании нисшей школы в двухклассное училище.

Ежедневно, шагая за десять верст, всегда в ободранной одежде и продранных сапогах, Павлушка дает частные уроки четырем фабричным служащим, готовя их детей в школу и обучает грамоте скорынинского повара...

Эти несколько лет надолго врезались в память

Каминских.

Старик болел, и Павлику, 12-летнему мальчугану,

приходилось материально помогать семье.

Лучшие друзья его—старые бывалые рабочие, умеющие рассказать о многом и на многие волнующие вопросы ответить.

Особенно повлиял на Павлика 1915 год.

В Иванове-Вознесенске была памятная демонстрация против войны. В душу настороженного, чуткого Павлушки глубоко запали слухи расстрелов.

13-летним мальчишкой, по окончании школы, Павлушка едет на казенный счет в Ковровскую учительскую семинарию. Тут его застает февраль 1917 г. Большинство учащихся Ковровской семинарии — эсдеки, эс-эры, анархисты.

Павлушка в единственном количестве—большевик. Павлик прибывает в Горково, начинает работать на мануфактуре... и... и... кончил самоубийством!

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ИЗ РЕВОЛЬВЕРА «НАГАНА» ЗА № 5759.

Взволнованный Игнатьев несколько раз расска-

зывал подробности самоубийства Павлика.

Он бегал между групп угрюмо разговаривающих рабочих, лихорадочно приглаживая франтоватую голову; потом он пошел в клуб вместе с предволисполкомом Смирновым и завнаробразом Кудряшовым, Помзавхоза фабрики Бартеньев заполнил свой рассказ о случившемся рядом подробностей:

— Голова Павла Юлиановича лежала у них под

столом, а ноги врозь.

Револьвер лежал около левой руки, а в правой-

находился журнал.

А главное, только на пятнадцать минут раньше я с ним, с Павлушей Юлиановичем, разговаривал.

Приглашали меня к 1-му мая в хоре участвовать. Дали мне песню «Дубинушку» и говорят: «К 1-му мая, товарищ Бартеньев, обязательно приготовьте». Говорил Бартеньев нараспев и вся его фигура выра-

жала елейный испут.

Смирнов и Кудряшов внимательно осматривали злополучную комнату.

Пятна крови сгущались в нескольких местах и на столе лежала куча бумаг, журналов и газет с пометками Павлуши.

Взгляд Смирнова скользнул по свежей «Правде». Статья о посевной кампании была помечена: «Прочесть и разобрать на заседании ячейки».

Бумага оказалась биографией Каминского, написанная им самим же, согласно циркулярному письму комиссии по пересмотру комсомольского актива Середского уезда.

С тяжелым сердцем вышел Смирнов из здания райкома; отойдя, он взглянул на него с невольной дрожью и на всем своем недалеком пути чувствовал дом с признаками крови и беспорядка.

Придя к себе, Смирнов прочел листки автобиографии покойного Каминского.

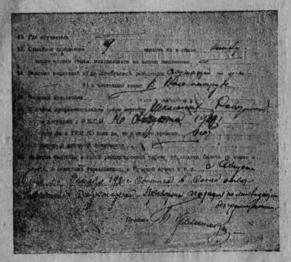
Моя биография.

Родился я, в 1902 г., в местечке Зембино, Минской губернии, Борисовского уезда. Отец мой, в то время был почтальоном. В 1903 г. по случаю разного рода конфликтов мой отец принужден был уехать в Иваново-Вознесенскую (в настоящее время) губ. и поступить ремонтным рабочим на железнодорожную Иваново-Вознесенскую линию, где прослужил около года. Затем поступил на фабрику (в то время Скорынина), куда тотчас же переехало и все наше семейство (в том числе и я), состоящее из шести человек.

В 1914 г., я кончил сельскую школу и отец мой, хорошо знавший и испытавший на себе, что значит «ученье свет, а неученье тьма», (т. к. сам он имел нисшее образование), отдал меня учиться в село Горицы, Шуйского уезда, во второкласную школу, которую я кончил в 1917 г. И февральская революция, пронесшаяся в то время, показалась мне, также и всем моим товарищам по школе, чем то грандиоз-

Lineauk besim K. J. Sudan 19 21 s.	Pocendenna I	ces eran, merce (ommymera dec Monograma MINA TAPTO		lafada- gadina
1. Character. 2. Han a opportude 3. Put postation 6. Consummor mater 6. Hanar spars con-	TO THE RESERVE OF THE PARTY OF	La serverte Moral Mexicano	pulation.	
6. Напконадалест 7. Редичи лимп	Sycee.	en.l		
Я. На намах още яз 1. Образование: а) 6) :	CONTRACTOR OF THE PARTY OF THE	garage hog		
7. Каппо специада 1. Гля работеля и	William Control	recept more &	for holds	

РЕГИСТРАЦИОННАЯ КАРТОЧКА комсомольца Павла Каминскою.

РЕГИСТРАЦИОННАЯ КАРТОЧКА комсомольца Павла Каминского (2-я стр.).

ным, но так мало понятным и смутным, — потому что наши почтенные педагоги не заботились разяснить нам происходящее. А если иногда, но это было редко, и бросали нам намеки по поводу преисходящих событий февральской революции, то далеко не лестное получалось у нас представление об этом, так как наши педагоги во главе с заведующим школы — священником, — как я понял позднее, представляли из себя самых от'явленных монархистов.

Прислушиваясь к горячим спорам и постепенно читая различные брошюры и газеты, я становился в курсе политической жизни своих товарищей и к концу 1917 года был представителем учащихся в педагогическом совете, когда шла отчаянная борьба учащихся с учащими.

Приехавши домой на летние каникулы, я в 1920 году, стал подготавливать почву для организации ячейки РКСМ, что и удалось сделать 16 августа

1920 года.

В то же время несколько периодов был членом Укома РКСМ. 9-го октября был избран ответственным секретарем, где работаю и по настоящее время, и состою членом Укома РЛКСМ.

П. Каминский.

На оборотной стороне листовок «о дне Парижской коммуны» сообщал Каминский краткие сведения своего прошлого.

Тут же лежал и циркуляр Укома:

Всем активным работникам Середской организации Р. Л. К. С. М.

Уважаемые товарищи!

В виду престоящего пересмотра активных работников Середской организации, которая будет произведена для того, чтобы очистить состав активистов от элементов поддающихся мелко-буржуазной стихии, элементов разлагающих организацию и занимающихся пьянством, дебоширством и т. д., если таковые окажутся. А также комиссия будет усматривать и тот

факт, наблюдающийся в организации, что старые активисты переросли союз и получили полное разочарование в союзной работе. Для этого необходимо будет выявить из числа членов нашей организации способных вести союзную работу и заменить старый состав активных работников. Для этого в комиссию необходимо представить не позднее 8-го марта с. г. свою биографию, которая будет рассматриваться на обще-городском собрании организации.

Председатель комиссии (подпись). Секретарь (полнись).

Придя к себе в Исполком, Смирнов распорядился оформить дело и составить подробный протокол.

Прибывший для этой цели волостной милиционер

долго пыхтел над бумагой.

Это был исключительный «случай» в его практике. Опросив Игнатьева, Бартеньева, клубную прислугу Мелентьеву, которая прибирала комнату перед смертью Каминского, еще несколько лиц, милиционер долго раздумывал над окончательной формой протокола.

Наконец, каракулями вывел на бумаге:

"Я, Горко-Павловский милиционер Зубков, прибыв на место происшествия, как я об этом узнал в Исполкоме, нашелфакт самоубийства действительно фактом, каковой произошел из левольвера "Наган" за № 5759, принадлежавший тов. Игнатьеву".

Фабричный врач Орлов присовокупил к протоколу

Зубкова:

«Смерть гражданина Каминского произошла от огнестрельной раны, пуля пробила лобную кость, сантиметра на два выше левой брови и вышла в темянной области. Смерть произошла от разрушения головного мозга».

В глухой аллее, закипавшего весенней зеленью, рай-комовского парка, на еще непросохшей скамейке написал Игнатьев две бумаги. Одна:

«Середскому Укому комсомола

«Копия Иваново-Вознесенскому Губкому Комсамола.
— Каминский покончил самоубийством тук Считаю факт позорным тук Подробности письмом тук Секретарь райкома Игнатьев»

Другая:

«Начмилиции третьего района Середского уезда». От ответственного секретаря Горко-Павлевского райкома комсомола Игнатьева.

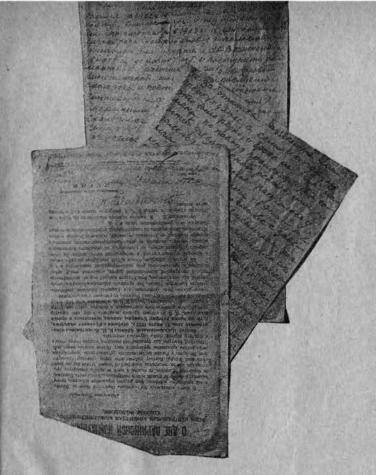
Настоящим сообщаю подробности убийства Каминского. В одиннадцать часов утра пришел он ко мне с грудой бумаг, относящихся к подготовке 1-го мая. Он указывал, какой материал следует использовать, какой нет и так далее. Кроме этого, он хотел мне прочесть одну статью из полученного им свежего номера «Юного Коммуниста» — но в это время меня вызвала девица Невольникова по личному делу, и, побеседовав с ней (тут вблизи стоял и Бартеньев), я через минут 15 возвратился в комнату и вежу, что Каминский лежит на полу. Крови в первую минуту я не заметил. Сперва я думал, что это с ним припадок, но потом я и Бартеньев видим, что голова у него простредена, после чего мы и повезли его в больницу. Причинами его побудившими к самоубийству считают НЭП, которого он никак переварить не мог, и вообще мрачные взгляды его на многие стороны советской жизни.

Больше по этому делу ничего показать не

MOLY.

С товарищеским приветом Н. Игнатьев.— 25/IV—1922 г.

Мало говорили Горко-Павловские комсомольцы. Больно было говорить.

БИОГРАФИЯ КАМИНСКОГО, написанная им перед смертью для комиссии по проверке комсомольцевактивистов на оборотной стороне листовок о Парижской Коммуне.

HHR Mari

ГЛАВА ПЯТАЯ

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ НИКИШИН.

На следующий день после смерти Каминского, направляясь к себе в кабинет, директор Горко-Пазловской мануфактуры, Николай Васильевич, прочел об'явление;

"Ко всем рабочим и служащим ф-ки б. Скорынина".

Сегодня в 11 часов хоронят нашего дорогого и любимого товарища Павла Каминского.

Надобно всем, как один человек, быть на похо-

ронах».

Фабком.

Николай Васильевич стиснул зубы и несколько минут не сводил холодных серых глаз с, молча говорившей, заметки. Потом он повернул бритое сухое лицо и подозвал табельщика.

— Сыми, —сказал он жестко и добавил:

— Попроси фабком собрать собрание. Скажи директор велел...

На собрании, охватывая острым взглядом многоголовую толпу рабочих, директор выкатил на эстраду низкорослую фигуру свою и, замахав руками, начал: — Вот уж такой несознательности, товарищи, не ожидал от вас! Каждый молокосос будет, не обдумавши, кончать самоубийством, а вы из-за этого будете работу останавливать?!

Перед нами задача — наладить производство под лозунгом «максимум, производительности»! С меня Губтекстиль семь шкур дерет, а вы?!!

Заявляю от имени администрации, что кто оставит работу, тому будет вычтено жалованье за два дня... Надо, наконец, товарищи, дисциплину...

**

Появился Никишин в роли директора на Горко-Павловском горизонте летом 1921 года, когда Горко-Павловская мануфактура вступала в самый тяжелый период своего существования.

Начинался НЭП, нужны были умелые руководители, чтобы начать прибыльно, хозяйственно вести дело,— иначе центр грозил немедленным прикрытием фабрики.

Ждут Горко-Павловцы приезда из Губтекстиля умелого директора.

И вот прибывает.

Смотрят рабочие на нового руководителя и переглядываются:

- Знакомая что-то харя?...
- —Где-то я его видал...
- Эх, да это Николка Никишин!!...
- Впрямь! Гляди-ка!.. Вот так, так...

Улыбается директор, глядя на смущенные лица рабочих.

- Чего зенки повытаращили? Не узнаете?
- Как не узнать!... Маленько, конечно, изменился,—годы видно не спокойные. Но глаза, походка... те же!...
  - Никишка...

НИКИШИН, Николай Васильевич (старый снимок, сделанный еще до революции, во время его службы у Скорыниных).

С Горко-Павловского горизонта Никишин исчез только лишь в в 1917 году. До этого он несколько лет подряд работал конторским служащим и лично услуживал фабриканту Скорынину.

От шмыганья часами меж базарных лотков, чтобы раздобыть «посвежее» яблочко для жены «их уважаемости», до безответного дежурства в передней у вешалки на балах, —универсальны были таланты Николая Васильевича Никишина.

Его коротконогая фигурка казалась созданной для того, чтобы с тараканьей поспешностью вползать во все щели.

И если на одном участке Никишинского мозга группировалось искусство лизоблюдства, то на другом формировалось острое желание:

— Самому повластвовать.

Это стремление овладело всем существом Никишина.

Если к этому прибавить хитрый изобретательный ум, то мы сможем себе представить облик Николая Васильевича.

К стилю революционного времени Никишин приспособился быстро.

С изумительным искусством приспособления он начинает играть роль «трудящегося человека».

Не всюду одинаково зорок рабочий контроль!

И это дало возможность Никишину выдвинуться. Через слабую волостную ячейку Саратовской губернии, сумев околпачить членов этой ячейки, Никишин пролезает в коммунистическую партию.

Партбилет в боковом кармане Никишинского пиджака, бок о бок с его сердцем.

Сердце не изменилось.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

КОМСОМОЛЬСКИЙ ШКЕТ ОРУДУЕТ.

Но не эти все факты давали рабочим в руки ключ к об'яснению злобной, вызывающей речи директора Никишина.

Покойный Каминский был единственным человеком в Горко-Павлове, деятельно разоблачавшим Никишина.

И факт непонятного самоубийства Павлуши уж очень был на руку Николаю Васильевичу...

Борьба комсомольца с директором началась так:

На собрании ячейки РКП Горко-Павлова от 13-го ноября 1921 года в текущих делах заслушали заявление Каминского.

— Я хотел бы задать тов. Никишину ряд вопросов. Во-первых, допустимо ли для коммуниста пьянствовать? А об этом говорят все рабочие. А, во-вторых, чем об'ясняется загон завхозом Ивановым спекулянтам десятков аршин мануфактуры, что известно тов. Никишину, — и еще целый ряд подобных действий?

Состроив глубоко-презрительную гримасу, слушал его Никишин.

Привыкший легко давить многих своих противников, Никишин не мог без гримасы слушать «комсомольского шкета», — как он любил часто выражаться по адресу комсомольцев.

— Разрешите мне для ответа слово...

— Пожалуйста...

Степенно и уверенно говорил Никишин:

— На мальчишеское заявление Каминского я бы совсем не ответил, если бы не сознавал, что комсомол — это наше будущее.

Много мне говорить не придется. Демагогия т. Каминского тут ясна.

Кто-я?

Директор Горко-Павловской мануфактуры! Перед кем отвечаю? Райкомом комсомола или Губтекстилем? Я вас спрашиваю, перед кем? Губтекстилем? Ну!...

Ну, так вот, он с меня и спросит, а если я буду отвечать и райкому РКСМ, а потом и женотделу, а потом просто каждому встречному и поперечному,—тогда, простите меня, пусть Губтекстиль назначит Каминского директором! Балачкам, товарищи, время прошло.

Надо действовать, а не болтать.

Павлушу Каминского резкий ответ Никишина не смутил. Получив снова слово, он продолжает настаивать на своем:

— Товарищ Никишин ничего по существу не от-Ячейка партии, думаю я, в праве требовать отчета о действиях своего члена партии.

Если же он отвиливает от такого ответа, значит он не коммунист, а просто примазавшийся!

Рассвирепел Никишин. Получает заключительное слово, чтобы «исчерпать вопрос».

— Товарищ Каминский, я вижу, приходит на заседание ячейки партии, чтобы учить ее уму-разуму. На это я думаю, вся ячейка должна реагировать. В целом я вижу со стороны Каминского твердое желание анархическим путем сорвать нашу работу. Как старый коммунист, -а меня знают в Москве за заслуги перед революцией, -- должен буду вопрос о поведении Каминского поставить перед Укомом и Губкомом КСМ. Я думаю, что тогда тов. Каминскому не поздоровится!

Никишин ушел с заседания ячейки, убежденный в том, что «шкет» Каминский проучен и впредь не будет пытаться сесть не в свои сани.

Но через неделю на общем собрании рабочих снова

выступает Каминский:

— Товарищи! Сколько мы тут ни орали на тему о том, что тяжело приходится, зарплата уменьшается и тому подобное, но раньше, чем мы не проделаем основательную чистку всей администрации, — толку будет мало. Это, товарищи, нам надо раз навсегда понять.

— Правильно! Правильно!...

Возгласы одобрения со стороны всех рабочих покрыли последние слова Каминского.

В прениях выступает директор Никишин.

-- Относительно глупых предложений всяких мальчишек, у которых, смело могу сказать, согии не вытерты...

Но только и успел Никишин сказать эти несколько

слов.

Резко прервали его речь рабочие:

— Личное оскорбление не полагается...

— Павлушу Каминского мы все знаем...

— Он правду сказал...

Началась столь обычная на Горко-Павловских обраниях буза.

Постоял, постоял Никишин и сошел с трибуны.

Приходилось освоиться с мыслью, что проучить «сопляка» Каминского не так уже легко.

И вместе с этой мыслью крепко на-крепко внедрилось в Никишине чувство ненависти к Каминскому.

Это чувство укреплялось и еще тем обстоятельством, что Никишину приходилось с Павлушей на заседании фабзавкома вести бесконечные прения по вопросам сокращения рабочих подростков.

Тут Каминский язвил его на каждом шагу, горячо

отстаивая права рабочих-подростков.

Но свое вывел Никишин: около 25% рабочихподростков было сокращено. Цепью беззаконных придирок добившись этого, Никишин не мог не воспользоваться случаем снова и снова намекнуть Каминскому на «главное обстоятельство»...

— Кабы характер ваш сноснее был, то, может, не

то вышло бы.

Тут уже Павлуша никак не мог сдержаться.

— После этих слов вы для меня не лучше Скорынина. Я в вас коммуниста не вижу. Что же касается сокращения, то мы еще будем о нем говорить в Середе и Иванове. Беззаконным образом сокращать подростков вы не имеете права.

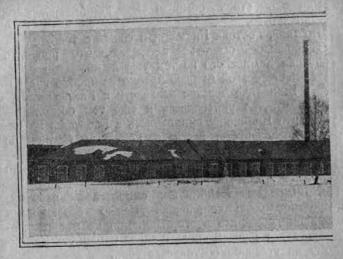
Вышел из себя Никишин:

— Руки у вас короткие... у комсомольцев. До своего носа достаньте сперва, а потом уже, куда дальше пытались бы.

Самодурское поведение Никишина ничуть не обес-

куражило Павлушу.

На заседании Горко-Павловского райкома РКСМ Каминский докладывает о некоммунистическом отношении Никишина к организации РКСМ,

Горко-Павловская

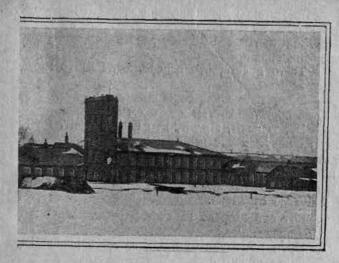
По докладу Павлуши райком КСМ выносит постановление:

«Обратить внимание ячейки РКП на недопустимое отношение Никишина к организации РКСМ. Довести об этом также до сведения Уездкома РКСМ».

Вскоре же на одном из общих собраний рабочих Горко-Павловской мануфактуры (происходивших немного времени спустя после ревизии Губтекстиля, нашедшей, что «все в полном порядке»), слово взял Павлуша Каминский.

— Товарищи! Хоть одна ревизия была, но, как говорится, «рука руку моет». Тут, думается, не без этого было.

— Правильно, Павлушка!

Мануфактура.

— За это молодец!

— Да тише! Тише, дайте человеку досказать. До конца никогда не дадут...

— Тише... продолжай, Каминский!

Просто говорил Павлушка.

Не волнуясь и не повышая голоса. И это больше всего раздражало присутствующего при этом Никишина. Как будто его-то, Никишина, тут в зале и нет!

— Ну, так дело значит, —продолжал Каминский, — такое неладное. По ревизии все гладко, а по нашему-то все гадко!

Тут уж Никишин не выдержал.

Пошло лицо пятнами и даже охрип человек от влости.

— Предлагаю немедленно призвать его к порядку. Он оскорбляет красного директора.

Десятки голосов Горко-Павловских ткачей пере-

били Никишина:

— То-то и есть, что оскорбляет. Вам то можно, а ему нельзя?

— Вали, Павлушка, до конца.

Стал продолжать тем же тоном Павлушка.

— Ну, так вот, значит, кто как смотрит. По их-

нему на мануфактуре нового ничего нет!

А по нашему-так богослужение на складе день и ночь! Псаломщика туда приставили специально. Жалованье платят, как помзавхозу.

Загудело от смеха.

— Вот это здорово на счет Бартеньева прокатывается Павлушка!

— Ну и Павлушка-то чудаковатый парнишка!

— Дайте кончить!

— Да так вот, —снова продолжал Каминский, рабочую молодежь ежели взять, то ее по шапке. Местов нет! А для псаломщика есть! Того гляди, в ткацкое отделение попа поставят и на разряд зачислят...

Каждое слово Каминского попадало в цель.

Знал он всю подноготную Никишинской братии,и когда говорил, то всей ненавистью обрушивался на виновников происходящего, на Горко-Павловской мануфактуре, развала.

Умел Павлушка выразить то, что думали и чув-

ствовали Горко-Павловские ткачи.

Когда Павлушка был в от'езде — так некому и выступить было против Никишинской брашки.

А теперь держись! Очко даст всем «никишинцам». После выступления Павлушки долго еще не умолкали разговоры.

- Ну, и чудак же парень! Заметил, какую харю Бартеньев состроил, когда против него говорил Павлуша?

«Дескать не обо мне речь идет». А самому, небось, хоть сквозь землю...

- Но зато уже Никишка этот от Павлушки не отстанет. Сгрызет его.

— Ну... больно крепок орешек! Не все коту масленица!

About the complete part of the

PART OF TAX SECURITY OF THE

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

РЕЧЬ НА МОГИЛЕ.

Рабочие Горко-Павловской мануфактуры на своем собрании постановили своего решения не менять и хоронили Каминского днем в траурном марше знамен.

За гробом позорно покончившего самоубийством шло более 500 рабочих, человек 200 крестьян и вся Горко-Павловская организация комсомола.

Черное знамя бросало буквы:

«Своему молодому учителю и другу Райком РКСМ».

У свеже вырытой могилы Михаил Игнатьев взял слово:

— Товарищи-граждане, новая экономическая политика, так называемый НЭП, многих, у кого не было достаточно мужества, пугал. Если вы взглянете на политическую историю, как я, то вы в этом убедитесь.

Испугала она и покойного Каминского, у которого не оказалось достаточно мужества, чтобы в тяжелые годы, как сказал тов. Ленин...»

Откуда-то послышалось:

Полно у могилы своего товарища ругать.
 Прервался голос у Игнатьева, Так и не мог кончить.

Вся Горко-Павловская общественность стала осваиваться с фактом самоубийства.

Многие пускались в психологические об'яснения.

— Кто знает, возможно, у Каминского был большой внутренний душевный разлад? Нельзя по внешним признакам полностью давать характеристику человека.

Особенно обстоятельно на сей счет говорил врач

Орлов:

— Чужая душа—потемки. Науке известны факты, когда еще более жизнерадостные юноши кончали самоубийством. Профессор Бехтерев в своей книге дает очень много указаний на этот счет...

Очень внимательно слушали рабочие д-ра Орлова. Его слова так или иначе давали известное разрешение

этому вопросу.

А, близко дружившая с Игнатьевым, Клавдия Не-

вольникова рассказывала про Каминского:

— Беседовали мы с покойным дня за два до его смерти. Был он скучный такой, все молчит. Говорю ему:—Павлуша, а Павлуша, чего нос повесил? Он мне и отвечает: «Тяжело жить приходится, Клаша, отец без работы, я тоже, хоть...»

Тут он так и не докончил.

Вечером в Скорынинском парке Игнатьев беседовал с комсомольцами:

— Больше, ребята, работать не могу... Мне одному страшно входить в комнату комитета. Мои нервы не выдерживают. Уйду я с союзной работы...

Откровенно говоря, еще до смерти Каминского, особенно большими симпатиями Игнатьев у ребят не

пользовался

Видели в нем сына кулака и от'явленного карьериста.

После его речи на могиле, ребята возненавидели Игнатьева и с большой радостью выслушали его заявление.

А на следующий день Михаил Игнатьев получил от отца письмо, адресованное в Горко-Паглово:

к... Помни, Михаил, что свое хозяйство выше всего. А у меня на валенно-сапожном заводе для тебя завсегда дело найдется. Довольно маяться, дорогой сынок. Пора и об себе подумать».

Повеяло от этого письма чем-то близким и уютным на Игнатьева.

Еще несколько дней, и 11 мая пленум Середского Укома утвердил категорическое заявление Игнатьева об уходе с союзной работы.

Зав. общим отделом Середского комсомола, не разводя никаких дискуссий в папке —

«Личный состав Укома».

отметил:

Член Бюро Середского Уездного Комитета Российского Коммунистического Союза Молодежи Иваново-Вознесенской губернии,—Павел Каминский окончательно выбыл по случаю самоубийства...»

После чего вслух сказал:

— Парень, как парень... что и говорить! Работал бы он тут, в Укоме, то я с ним бы дело наладили... Необдумавши, по моему, укокошил себя.

DELONGO DE PROPERTO DE LA COMPETA DEL COMPET

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ПОСТАНОВЛЕНИЕ БЮРО ИВ.-ВОЗНЕСЕНСКОГО ГУБКОММОЛА.

Ивано-Вознесенские ребята, получив телеграмму Игнатьева, долго толковали меж собой о том, что могло побудить Каминского на самоубийство.

Каминского в Губкоме хорошо знали — даже поговаривали меж собой, что в будущий состав Губкома обязательно введут Каминского.

На последнем Ивано-Вознесенском Губс'езде комсомола представитель Середского Укома знакомил делегатов с политико-просветительной работой Горко-Павловского райкома.

Правильная постановка этой работы под руководством Каминского выдвинула из среды Горко-Павлозских комсомольцев активное ядро, товарищей, могущих самостоятельно вести большую комсомольскую работу

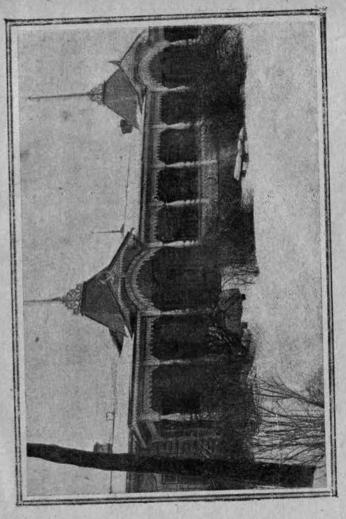
Среди них особенно выделялся *Борис Веденов*, ставший ближайшим помощником и другом Павлушки Каминского (завполитпросвет и замсекретаря Горко-Павловского райкома).

Это же комсомольское ядро, руководимое Каминским, и ведет всю культурно-просветительную работу в рабочем клубе.

Cuymam nocmanobum 7) 80 oker greun 7/ Kogamen emboarms neges lydesso-viend rames Kugner ok roman o pospetienthe nous la & US Bosnoener querical apegons sun que omorposen viend radius Kugod, 67 Usanobo Bosnocener Gut Grandamerum c paromon aparemo perer seguinagos. 8) Me Lynne gan 8) at b lugy nesones amo no a 10 naveyes bu passivens a seometara en en passivens passivens de gras provinca son passivens son passivens son passivens on notaryenum ocmobiens omo posse Mergemand Manuschim

"СЕКРЕТАРЬ П. КАМИНСКИЙ": протокол заседания Правления Горко-Павловского клуба.

Фактическое отсутствие партийной ячейки¹) окупалось хорошо поставленной работой комсомола.

^{1) 3-4} члена партии на всю ячейку. Все партийны рабочие Горко-Павловской мануфактуры были разбросаныпо многочисленным мобилизациям в разных концах СССР.

В Пашке видели не только хорошего руководителя, но и на редкость славного и преданного товарища. Всегда одинаково энергичный и веселый, не зная никогда уныния, не боясь трудных дел и больших препятствий, Павлушка Каминский—средоточие любви и надежд Горко-Павловской молодежи.

До работы в комсомоле Павлуша руководил работой Крыловского сельсовета и вел культпросветработу

среди крестьян.

Зная быт рабочей и сельской молодежи, он начинает организовывать бедняцкую молодежь всех волостей, расположенных вокруг Горко-Павлова.

Им создается восемь крепких ячеек, руководимых Горко-Павловской ячейкой, хотя районный комитет РКСМ находится в большом торговом селе Острецове.

В 1921 году Павлуша председательствует на Острецовском районном с'езде, где выносится постановление: «Райком перевести в Горко-Павлово, а секретарем избрать Павлушу».

Организационный период комсомольской работы

Павлуша считает законченным.

Он начинает развертывать на редкость интенсивную и продуктивную политико-просветительную работу.

Результаты этой работы становятся известными далеко за пределами Середского уезда.

Занятиями всех кружков руководит сам Павлуша.

Работа ведется систематично, по строгому плану.

В то же время Павлушка не покидает работы в созданном им Горко-Павловском рабочем клубе.

Он возводит прочный материальный базис под клуб, договорившись об этом с Иваново-Вознесенским Губпролеткультом.

Из ячеек КСМ других районов приезжали знакомиться с образцовой работой Горко-Павловской

ячейки и Горко-Павловского клуба. В его работу был втянут весь Горко-Павловский молодняк.

Быстрой походкой, с солдатской сумкой через плечо, заменяющей ему портфель, всегда набитой циркулярами, инструкциями, газетами, - Павел Каминский был известен далеко за пределами самого Горко-Павлова.

С волшебным фонарем и картинками под рукой, в дырявом пальто и шапченке шагал он из села в село, организуя бедняцкую молодежь, закладывая первые

кирпичи комсомольских ячеек.

Рабочие его называли — «наш Павлуша».

Он вырос на Горко-Павловской мануфактуре, сроднился с рабочей семьей. Для рабочих он был «свой парнишка».

Бедняки-крестьяне знали Павлушу еще по работе его в качестве уполномоченного помголода и по его частым выступлениям на крестьянских сходах.

— Павел Юльяныч — это нашинский... что и гово-

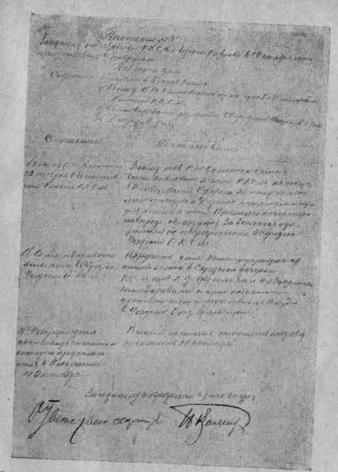
рить... С понятием и справедливостью человек.

Иваново-Вознесенскому Губкому было хорошо известно и то, что Горко-Павловский район был первым в уезде по степени выполнения им всех заданий помголода.

Каминский совместно с представителем Марийской области обошли все села, всюду созывая крестьян на сходы, где Павлушка широко информировал крестьян о голоде в Поволожьи и горячо призывал идти навстречу.

Затем он сам с подводой об'езжал крестьянские избы, беря оттуда хлеб, муку, вещи и т. д.

Уездный помгол докладом в Иванове отметил необыкновенную старательность представителя помголо-

"СЕКРЕТАРЬ П. КАМИНСКИЙ": протокол бюро Горко-Павловской ячейки РЛКСМ.

да по Горко-Павловскому району комсомольца П. Каминского.

В газете, издаваемой Марийским обисполкомом, товарищ, бывший, от Марийской области в Середском уезде, писал:

«Мы не можем отдельно не подчеркнуть исключительной преданности нашему делу уполномоченного по Горко-Павловскому району комсомольца Каминского.

И благодаря его авторитетности, нам в Горко-Павловском районе удалось успешнее всего выполнить задание...»

Но все эти заслуги не могут оправдать такого поступка, как самоубийство.

И Бюро Ивано-Вознесенского Губкома постановляет:

«Считать П. Ю. Каминского исключенным из членов РКСМ».

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

on average of the large

БОРЬКА ВЕДЕНОВ.

Среднего роста, коренастый, широкоплечий, с глубоко посаженными синими глазами, с коротко подстриженной русой башкой — Борька Веденов — лучший друг Пашки.

Самое последнее время они совместно занимались по выработанной Пашкой «программе самообразования», ибо просветительная работа в клубе, их самих,

как руководителей, удовлетворить не могла.

Бессменный завполитпросвет Борька и после ухода Каминского на производство остался работать в райкоме, поддерживая связь с Пашкой.

13-го апреля собрался Борька в село Поповское для проведения работы по подготовке первого мая.

Перед от'ездом гуляли ребята в парке, пели, шутили.

Потом Павлик сказал:

— Знаешь, Борька, вот весна, лето идет... хорошо знаешь! Вот с'езжу только в Иваново, там может в Москву, — после чего и займемся мы с тобой учением. Книжонки я, брат, честь честью припас.

А через несколько дней приезжают в Поповское

мужики, рассказывают о смерти парня.

Кончил самоубийством. Никого в райкоме не было... Причины неизвестны.

Прибывшие к пяти часам вечера из Горкого в По-

повское рассказывали.

Несколько минут Борька пребывал в мучительном недоумении: шутят они или серьезно?

— Не может быть... — потом сказал мужику.

 Ну, вот скажет, чудак... не может быть? А ежели я сам с простреленной головой его в больнице видел, — тогда как же?

Веденова, как поленом, по голове.

- Послушайте, послушайте Матвей Васильич, приставал он к мужику. Как вы говорите дело то было?
- Очумел ты, я вижу, в Поповском то! Чего сто раз одно и тоже говорить то? Сказано Павлуша прикончил себя из револьвера

Прибывшие вновь из Горкова рассказывали подробности:

— Игнатьев и Бартеньев стоят с бабами на улице, недалече от клуба, разговаривают... Потом, заходит Игнатьев в комнату, — глянь...

«Не может быть, нет, нет, нет... Враки, враки... Неужели поверить этому? — Нет... Но факт... Голова... прострелена... факт... но... самоубийством кончают по определенным мотивам, а ведь таких у Павлушки не было? Кому об этом знать, как не Веденову?...

Одна мысль за другой напряженно сверлили мозг. — Ну, а если не самоубийство, то что другое

может быть?

В своей короткой жизни Борису Веденову, как комсомольцу, приходилось бывать во всевозможных

переплетах. Это научило его быстро соображать, —а тут, казалось, вся его сообразительность уперлась в точку.

principal transfer all a series and a series of the series

with the second and second with the second and

CONTRACTOR OF THE STATE OF THE

THE REPORT OF THE PARTY OF THE PARTY.

— Ехать, ехать надо... чего тут сидеть и думать?

Борис Веденов.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

ТЕХНИЧЕСКИ НЕОБХОДИМЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ К САМОУБИЙСТВУ.

Ночью Борька приехал в Павлово.

Он разбудил ребят и лихорадочно расспрашивал:

- Так, так захлебывался он, но... не осталось ли хоть какой-либо предсмертной записки?
  - Никакой. Всюду обыскали, ничего не нашли...

— Ничего? Нигде?!..

После бессонной ночи Борька пошел к Игнатьеву:

- Ну, товарищ Игнатьев, скажи, как дело было? Записок никаких не осталось? Всюду хорошо обыскали испытующе спросил он, когда Мишка рассказал незатейливый сказ свой.
  - Всюду...
- Постой, погоди, Игнатьев! Вспомнил: записная книжка то его, где делась?

О записной книжке почти, прокричал Борька.

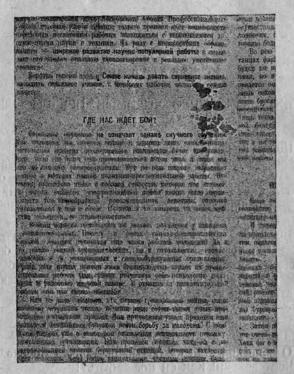
Чорт возьми! Как он мог забыть?!

Ведь в записной книжке Павлуша собирал секретнейшим образом все данные о элоупотреблениях Никишина и всей его братии?!

Эту записную книжку он хранил больше всего. Борька знал, что этой книжки пуще всего боится

Никишин.

- Так, где же записная книжка?
- Да, что ты, Борька... заволновался? Вот книжка, у меня она. На тебе ее!

Страница из журнала "Юный Коммунист" (статья Л. Шацкина), во время чтения которого и был убит Каминский. На листе видны пятна крови.

Хватил Веденов, посмотрел, котел снова вскрикнуть, но во время удержался.

- Так, так...
- Ну, пока всего, товарищ, Игнатьев...

Страшно самому от возникшей невероятной мысли: А может быть Павлушку убили?

У него, у Игнатьева, оказалась записная книжка с вырванными листочками!... Где Павлушка записывал все, что касалось злоупотреблений Никишина.

Со всеми этими данными Павлушка собирался ехать в Иваново, а если там ничего не выйдет, то и в Москву — с разоблачением преступных деяний Никишина.

Мысли Борьки принимают определенный уклон. Дело темное, и надо спросить всех. Направляется к Бартеньеву:

— Так вот, товарищ, Бартеньев, вы бы мне поподробнее рассказали о Павлушке.

Интересно-б знать. Тем более, как другу!

— Это можно-с...

Рассказывал Бартеньев все то же, что рассказывал давеча Смирнову и Кудряшову—

- .... а в правой руке журнал вот этот, что вы видели, с кровью...
- «Юный Коммунист»? В правой руке? → воскликнул Веденов.
  - Чего же тут удивляться?
- Да я так, вспомнил, что обещал мне этот номер ЮК'а дать. Продолжайте, продолжайте, товарищ, Бартеньев.
- Ну так вот, а револьвер, значит, под мышкой у левой руки лежит...
- Сволочи... Мелькнуло в голове у Борьки и, стискивая злобу, подумал:—ведь, Павлушка не левша— с чего же ему было стреляться левой рукой?

Бартеньев мог перепутать. Надо переспросить Игнатьева.

— Товарищ Игнатьев! Вот интересно, какой это журнал у Павлушки во время смерти был в правой руке?

— Да, последний номер «Юного Коммуниста». На странице статьи Шацкина о КИМ'е след крови

остался...

— Так! A револьвер под мышкой лежал, у другой руки?

 Ну, да... Я же тебе говорил... в правой руке, а под мышкой у левой руки револьвер лежал.

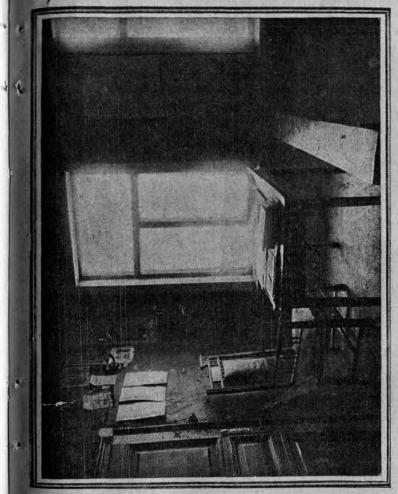
Веденову ясно: так самоубийством не кончают: Ведь не журнал, — а револьвер должен был он при-

ставить к виску? Почему же журнал в правой руке?

Для того, чтобы кончить самоубийством — рассуждал Веденов, — должны иметься ряд необходимейших технических предпосылок. Скажем, лежа на животе никто не будет кончать самоубийством.

Если уже решают кончить, самоубийством, то делают это как можно удобнее, чтобы не промахнуться, чтобы не изувечить себя только. Тем более, что Павлуша парень смышленный: к чему ему было так выкрутасно убивать себя?

Тут что-то, да не то!

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Personal and Sense of the sense

sales the court of the Contact See Statement for

можно ли стреляться в затылок?

Борис Веденов знал, что Павлуше незачем было кончать самоубийством, и это он знал твердо. Вот почему его мозг вбирал в себя каждую подозрительную мелочь, которая могла бы хоть сколько нибудь раз'яснить все случившееся.

И первые 10 дней своего пребывания в Горкове (после от'езда из Поповского) он незаметно для самого себя превращается в неутомимый угрозыск.

Увидит ли, что какая-нибудь бумажка на земле, обязательно поднимет, рассмотрит. Встретится ли с кем, — обязательно заведет разговор о Павлуше.

Наступали жаркие дни, рабочие брали отпуска.

Работа комсомола должна перестроиться применительно к летней поре, — всем этим делом должен был заняться Веденов — но ему не до этого.

Обдумывая все известные ему факты, никому их пока не сообщая, Веденов рассуждал сам с собою:

— Как они не понимают, что если это только так, то значит — самоубийства нет!

.... Ибо, если в правой руке Павлуша держал журнал — значит стрелялся левой рукой... А, ведь, он не левша?

Это одно.

Дальше: ну, скажем, стреляет, падает,—значит револьвер тоже падает на землю, не то, что прямо под левой мышкой. Значит: кто-то положил револьвер туда?

Веденов искал случая поговорить с врачем. Ведь он видал Павлушу сейчас же после выстрела — и сможет сообщить ему — где и как прошла пуля. Причем ясно, что если Павлушка кончил самобийством, то стрелялся в висок, — а если его убивали, то пулю могли пустить и в другое место.

Наконец, улучает Веденов удобный момент разговора с врачем Орловым.

- Так вот, кстати, тов. Орлов, вы не приметили, как пуля прошла у покойного Каминского? Меня, так, просто, интересует. Спорили мы с ребятами...
- Пуля-то? Точно не скажу... Но помнится, что сзади налево...

Старикашку, врача Орлова, со всеми его университетскими познаниями, пресмыкающегося перед Никишиным, как раньше перед Скорыниным,—это ничуть не смущает:

«...Стрелялся почти в затылок».

Борька Веденов, не кончив никаких университетов, мечтая пока что о Середской уездной Совпартшколе, знает: «убивать себя таким образом мудренно».

Как бы хладнокровно это не воспринимали представители медицины, — и к тому же левой рукой, не будучи левшой? А в правой держа журнал «Юный Коммунист»!

Все эти факты вполне достаточны для того, чтобы начали детальное расследование дела «о самоубийстве Каминского».

Медлить нельзя! Могут замести следы преступления!

8 мая Веденов весь день пишет. Не мастер он писать заявления. Трудно дается!

Но все же 9-го отправил в конверте:

Совершенно секретно. Начальнику Середского Угрозыска. От гр. д. Поповское члена РКСМ.

Б. Г. Веденова.

Заявление.

Настоящим прошу Начальника расследовать дело об убийстве тов. Каминского, происшедшее в с. Горко-Павлове 25/IV — 22 года, т. к. для меня, как близкого теварища покойного, является очень странным и загадочным, которое я и перечисляю по пунктам: 1. Во-первых рана у покойного Каминского была на лбу, повыше левсй брови и вошла в затылок и оказывается, что на лбу она во много раз больше, чем на затылке, а по показанию врачей выходит так, что выходная рана от пули бывает больше, чем входная рана. Следовательно, он стрелялся, что и полтвердил в личном разговоре врач Орлов, почти в затылок, чего не может быть.

2. Во-вторых, расположение револьвера не состветствует тому месту, гле бы ему нужно держать, если предположим, что Каминский сам себя убил.

3. В-третьих, поведение Игнатьева очень странное. Ксгла все это произошло, он не мог быть в этом помещении, чего-то все бсялся,—тоже в помещении райкома один не входил.

Вот все обстоятельства. Странно, почему не было мнения врача «самоубийство или нет». Полагаю, также необходимым вскрыть труп, чтобы убедиться, как прошла пуля.

С товарищеским приветом.

Веденов.

9/V - 22 r.

А еще через несколько дней в Губрозыск почтой была оправлена следующая выписка из протокола заседания:

ПРОТОКОЛ № 13.

От 15-го мая.

президиума Горко-павловской ячейки.

В присутствии: т. т. Захарова, Виноградова, Никишина, члена Райкома Комсомола Веденова.

СЛУШАЛИ

постановили

Тов. Веденов настоятельно просил обратить внимание ячейки на тот факт, что записная книжка Каминского после его смерти оказалась у Игнатьева и при том в чрезвычайно растрепанном виде, с вырваными листочками. Тов Ведейов ваявляет, что вырваны листки, с компрометирующим материалом против администрации Горко-Павловской мануфактуры. Заявление Веденова, как материал для нового освещения факта смерти Каминского, в форме выписки протокола переслать в Губрозыск.

Председатель (Захаров), Секретарь (Виноградов).

Никишин высказался против такой выписки из протокола.

— Зачем зря бумажную волокиту создавать?...

Но Борька настоял.

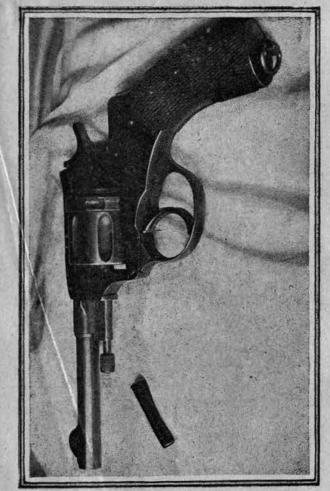
— Ежели, вы не захотите сделать это сами, напишу в Укомпарт и в Губпартком.

Согласились.

Странно поглядел Никишин на Борьку.

А тот узнает:

Пом. Нач. Губтекстиля Лимонов, будучи в пьяном

виде в деревне Новинское, заявил, когда разговор коснулся смерти Каминского:

«И Борису Веденову долго не жить»... По постановлению Середского Укома, Борька вступает в обязанности Секретаря Горко-Павловского Райкома Комсомола.

Вечером этого дня Борис долго беседовал с клубными работниками. Вспоминали Павлушку. Проходили перед их глазами последние годы жизни Павлуши; ведь, это он организовал Горко-Павловский рабочий клуб.

CHARLEST COMPANY OF STREET

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ ТЕАТР В БЫВШЕЙ КОНЮШНЕ.

Во главе рабочего клуба стояло правление, бессменным секретарем которого был Павлуша.

Студия Пролеткульта, библиотека, хоровой кружок, школа ликвидации неграмотности, спектакли в театре, ремонт клуба, составление смет, — все это лежало на Павлуше.

И со всем этим он справлялся.

and the first only in the second and a

Вот примерный протокол (№ 9) Правления клуба от 8-го апреля 1921 года:

СЛУШАЛИ

1. Доклад тов. Каминского о поездке в Инано-Вознесенский Губ-пролеткульт.

Т. Каминский указывает на то, что Горко-Павловская студия Пролеткульта несьма сильно отстала от тех задач, которые сейчас остро становятся перед Пролеткультими.

П. Камински предлагает поставить его докладо задачах Пролеткульта на общем собрании членов клуба, где он ознакомит со всем, материалом, прирезенным из Ивано-Вознесенска.

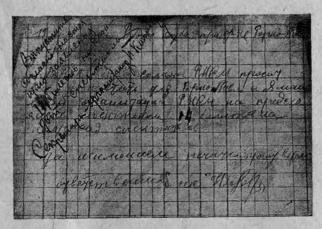
постановили

1. Предложение утвердить. Согласовать в Президиуме Правления.

2. Утверждение сметы за март месяц и составление сметы на аванс за эктябрь месяц. (т. Каминский).

3. О5 экскурсии членов нашего клуба в Ивано-Вознесенск. 2. Утвердить смету на аванс в размере 6 000 руб. за мярт месяц. Смету на аванс поручить составить Каминскому, поставив на утверждение Президиума и Правления ударного клуба.

3. Ходатайствовать перед Губпролеткультом о разрешении и снабжении средствами для отправки членов нашего клуба.

Документ культработы Горко-Павловского клуба.

Он вынянчил Горко-Павловский клуб в неимоверно тяжелых условиях и добился со стороны Иваново-Вознесенского Губпролеткульта признания Горко-Павловского клуба образцовым и ударным.

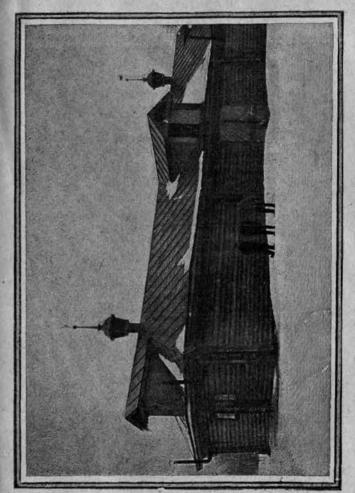
Несмотря на свою молодость, Павел был признанным руководителем всей общеполитической и культур-

ной работы на Горко-Павловской мануфактуре.

Но, что свидетельствовало больше всего об изумительной энергии Павлуши, это то, что, благодаря ему, в помещении бывшей скорынинской конюшни открылся театр имени Карла Либкнехта и Розы Люксембург.

Это была идея Павлушки.

Над этой затеей смеялись, но Павлушке удалось выкопать ссуду в губернии, произвести ремонт, устроив ряд субботников, и путем больших усилий добиться успеха.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

подручный гробовщика борька веденов.

После заявления в Губрозыск Веденов начинает сомневаться.

Стоит ли подымать бузу на всю губернию, — а вдруг все это окажется липой? Могли по рассеяности забыть, где был журнал, в правой или левой руке?

Если бы они все, —Бартеньев, Игнатьев и проч. были причастны к смерти Каминского — они могли бы с о в р а т в относительно того, в какой руке находился журнал и в какой револьвер.

А врач Орлов?

Опять-таки жалкий, из ума выживший, старикашка. Он, кажется, способен перепутать не только виски с затылком.

Как же быть? Что может служить бесспорной уликой? Есть ли что-нибудь такое?

Да есть.

Это труп Павлушки. Надо осмотреть труп. Тогда можно увидеть ясно, как обстояло дело,—и действовать увереннее?

И Борис Веденов решает: выкопать труп Камин-

ского и осмотреть его.

К гробовщику, он же заведующий кладбищем,— Веденов имел протекцию: сынишка его был комсомольцем.

Узнав о решении Веденова, гробовщик наотрез отказался выполнить желание Веденова. И только лишь в результате длительных, «дипломатических» переговоров удалось уломать старика.

В ночь на 19-е мая стояли, как всегда, свихнувшиеся кресты на кладбище. Кладбище протягивало руки, всматривалось тусклыми огнями. Кладбище видало: две фигуры двигались к могиле Пашки. Длинные тени заступов, пасмурный свет фонаря, крик неугомонных сов и грозное безмолвие сосен.

У могилы Борька сказал:

Дедушка, начинай.

Огромный зуб заступа хватил землю.

Старик крякнул: — ох-ой...

Острый страх пополз к Борьке:

Ох, бросить... другими путями выяснить.
 Но видя суровую деловитость старика — Веденов подтянулся.

Сейчас, сейчас — вытащим мы твоего товарища.
 Веденов бросает лопату.

Смотрит в сторону.

Туда, за кладбище, где в темноте вырисовывается большой корпус Горко-Павловской мануфактуры.

Слышен где-то поющий голос.

Потом все сразу стихает.

— Ну вот, гляди... бери фонарь...

Борька вздрагивает, ничего не видит.

Потом Веденов лег на землю, — спустил фонарь в яму, смотрит...

Бьет в нос скверный запах, кружится голова...

Глаза ничего не видят.

Встает, протирает лоб, вдыхает воздух.

Снова нагибается.

Смотрит в одну точку.

В лоб.

Лица Павлуши нет.

Совсем нет. Есть какая то серая, как будто глиняная, неприятная маска.

Лопатой приподымает голову гробовщик.

Смотрит Борька.

Лоб, чистый от крови.

Очевидно мыли.

— Ниже фонарь, если не трудно.

На висках никакой раны нет. Большое черное отверстие сзади, на лбу, но главное вот что: не видать ожогов.

Только сейчас Борис вспомнил, что если стрелять в себя на близком расстоянии, то должны быть ожоги.

Ожогов нет.

Их нет.

Нигде...

Да нигде.

— Значит — выстрел был произведен на расстоянии...

Долго сидел в ту ночь Борька на крыльце Горко-Павловской школы.

У самого крыльца ветви огромной ели вытягивали верблюжьи шеи. Рядом колодезь. Скуластый журавль возвышается над ним понурым видом.

Борька бессмысленно глядел вдаль. Видел фабрич-

ный двор, охваченный остывшим жаром сосен.

На фабрике новая зеленая крыша. Белая церковь, с колоколами, как коровье вымя.

Несколько десятков домиков, выкрашено в коричневый цвет.

И думал Борька об одном...

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

СТРАННОЕ СЛЕДСТВИЕ ПО ДЕЛУ О САМОУБИЙ-СТВЕ КАМИНСКОГО.

Заявление Бориса Веденова дало свои результаты. Для расследования дела в Горко-Павлово был на-

правлен нарследователь Гречин.

Несколько вялый по натуре человек, с виду очень потешный: коротенький, толстенький, с большим телом посаженным на ноги, весь обросший в волосах—Гречин поневоле должен был разверну ть активную деятельность. Борька Веденов и родители Каминского непрестанно подталкивали его.

Врач Орлов получил распоряжение произвести

осмотр трупа Каминского.

Узнав об этом, Борис Веденов совместно с родите-

лями Каминского заявляет протест,

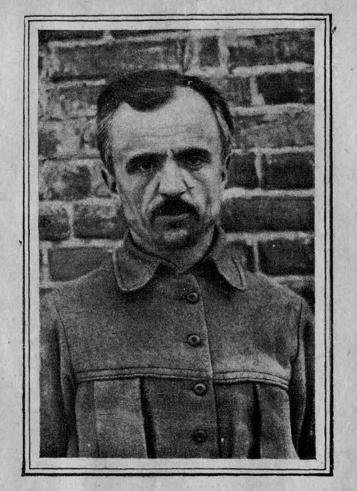
 — «Недоверяем врачу Орлову и настаиваем на вызове врача из Иванова».

Заявив, что это необоснованное сомнение, — Гречин противился требованиям Бориса и родителей Павлуши.

Но все же пришлось ему уступить и послать отно-

шение в Иваново.

Через две недели в Горко-Павлово приезжает заведующий судебно-медицинским отделом при Губсуде врач Алявдин.

ПЕРВОЕ СЛЕДСТВИЕ ПО ДЕЛУ КАМИНСКОГО: нарследователь Помпей Иванович Гречин.

В присутствии ряда лиц вскрывают 23-го мая труп Павлуши и после тщательного осмотра врач Алявдин делает следующее заключение:

«Исследование трупа дает возможность установить, что выстрел был направлен сзади, причем, судя по направлению пулевого канала, оснований полагать, что в данном случае было самоубийство, — н е т. Отсутствие ожогов ткани говорит о том, что выстрел был сделан не в упор, — а на расстоянии...».

Врач Алявдин.

По телеграфу Гречин доносил:

«Середа Уюст кспия Иваново-Вознесенск. Вскрытие трупа Каминского произведено результате донесу лично. Н. Р. 92. Нарследователь Гречин.

После этого Гречин тщательно собрал все показания.

Они как будто подтверждали доводы врача Алявдина.

И подозрительные действия прислуги Мелентьевой, замывавшей следы крови в клубе. Рассказы о настроении покойного Каминского, показания Веденова об исчезнувших листочках записной книжки и подозрительном поведении Игнатьева, — но мелким почерком, Помпей Иванович Гречин старательно вывел следующее заключение:

«Настоящим доношу, что юридических сулебных данных для заключения о том, что в данном случае произошло что-либо другсе, кроме самоубийства—нет. Как будто в разрезе с этим стоит мнение врача Алявдина, — но полагаю, с точки зрения судебной психологической практики, что исключение тут возможно, в тем смысле, что покойный Каминский мог в себя стрелять не обычным путем».

Уезжая в директорской пролетке, Гречин долго махал клетчатым носовым платком своему другу Никишину.

Рабочие были несколько иного мнения об их сен-

тиментальной дружбе...

Но, не зная заключения по всему делу, они ждали

чего-то крупного, что сразу осветит многое.

— А что, ежели подкупил этого Гречина Никишин?
 Отец Павлушки Каминского, подталкиваемый Ве-

деновым' пишет заявление в Середу:

«...Врачем Алявдиным, приехавшим из Иванова, установлено, что самоубийства с моим сыном не было. Все же, как мне кажется, нарследователь Гречив дело замазывает. Как отец покойного и как коммунист, прошу обратить внимание».

Но нелепый характер заключения Гречина, обратил

уже на себя внимание.

Горко-Павловские рабочие по своему расценивали

«заключение» Гречина.

— Да чего там, Гречин, да Гречин! Хоть грека, хоть турка, кого угодно подкупит Никишка: теперь уже дела не замажешь. Сказано, брат, тебе наукой: самоубийства нет. Значит нет! Ищи чего другого...

Один Бартеньев и завхоз фабрики упорно раз-

убеждали спорящих:

 Наука, наука... зарядили вы науку, а она не более, как сплошная фиктивность...

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

interpretation of manual temporary

Section of the sectio

БАЛАЛАЕЧНИК БАРТЕНЬЕВ.

Грузная фигура, лысинка, глаза хихикающие, кото-елейные, толстый кадык, вздрагивающий живот, такова внешность Бартеньева.

Родившись в Горко-Павловских краях, Бартеньев, надо прямо сказать, — был большим неудачником.

Нелишенный с детства многих талантов (первый «балалаечник» в селе) был он специалистом — псаломщиком.

Балалайка, закрученный в «струночку» ус и помада для волос «Нега», — вот идеал бывшего псаломщика. Никишин кинул наметанный взгляд на завитой чуб и розовый галстух Бартеньева и определяет:

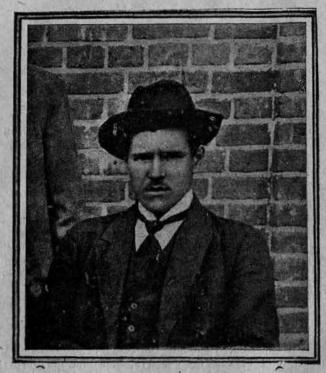
— Вот человек, рожденный для большой хозяй-

ственной работы.

Заводит с Бартеньевым разговор.

- Как, мол, товарищ Бартеньев, не чувствовали ли вы в себе, как бы сказать, желание поработать, как говорится, на хозяйственном фронте? Хе-хе... Горко-Павловском участке хозяйственного фронта... Хе-хе...
- Николай Васильевич! Взором своим проникновенным в самую суть моего бытия заглянули. С малых лет, можно сказать, к этому стремился.

Через пару дней Никишин от имени администрации завода издает приказ:

ЭДИН ИЗ ДЕЯТЕЛЕЙ ГОРКО-ПАВЛОВСКОЙ "АНТАНТЫ"—Василий Викторович Бартеньев.

 — ...Бартеньева назначить главным помощником заведывающего хозяйства. Диву дивятся рабочие. Как будто никакого такого

Бартеньева среди них нет.

— Неужто псаломщика-то? Сахарного бабника с пискливым голосенком? Может его и назначил Никишка? — недоумевающе спрашивают друг у друга.

 Его, его. Запоет он нынче нам псалмы на складе.

Вскоре на глазах у всех Горко-Павловских ткачей, в исполнение своих хозяйственных обязанностей, вступил товарищ Бартеньев. И действительно запел «псалмы».

О многом поговаривали рабочие. О темных делишках Никишина, дающего денежные взятки, — ворующего. Несколько коллективных заявлений было послано Горко-Павловскими рабочими в центр, — но все они никаких положительных результатов не дали

Хитро и тонко действовал Никишин, подбирая вокруг себя надежных людей.

Старым Никишкой,—скорынинской подхалимы запахло сразу, как только вступил в обязанности директора.

— Старое все надо искоренить... Кто хочет баклуши бить, тому не место на фабрике.

Это Никишин говорит по адресу тех, кто не боится высказывать своего мнения по поводу тех или иных мероприятий Никишина.

— Я лично отвечаю. И мое дело!

Механик Гефлик, 20 лет проработавший на мануфактуре, не побоялся указать:

— Так-то, мол, Николай Васильич, проку мало...

Привыкли вы не работать, а языки трепать!
 Этого терпеть не могу.

Сразу прервал Гефлиха директор Никишин.

Знает свое дело Гефлих, любит его, — а потому упорствует.

Снова указывает Гефлих, не боясь, переубеждает Никишина.

В ответ на упорство Гефлиха, распоряжение директора:

«Механика Гефлиха, как несоответствующего своим обязанностям уволить».

Со следователем же Гречиным директор Никишин сразу спелся...

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

П. И. ГРЕЧИН «ОПТОМ И В РОЗНИЦУ».

Всего лишь в 1916 году, над одной из бойких бакалейных лавочек в г. Вологде, красовалась желтая вывеска с разукрашенными кулем сахара и чая:

П. И. Гречин.

Бакалея оптом и врозницу.

Но Гречину не повезло в его карьере: к началу 1917 г. он разорился.

Примирившись с этим печальным фактом, Гречин готовился стать коми-вояжером крупной торговой фирмы:

«Гнутая венская мебель братьев Тонней».

Октябрьская революция, очевидно, в корне изменила взгляды на многие вещи со стороны Помпея Иваныча, — ставшего решительным борцом за идеалы советского государства.

Но эта решительная перемена в образе мыслей Помпея Ивановича очень скверно повлияла на его память:

Заполняя анкету в начале 1918 г. — на вопрос: «ваша специальность», —Помпей Иваныч пишет:

— «Рабочий маслобойного производства».

Ивано-Вознесенские власти того времени, не предполагая столь болезненных процессов в памяти Гречина, — назначают его на ответственную работу в Ивано-Вознесенском Губсовнархозе.

Работы в этом учреждении было много и, казалось бы, тут мятежной, маслобойной натуре Помпея Гречина зажить в мире и благоденствии.

Но «судьба» (это она жестокая смыла с одного вологодского домика вывеску: П. И. Гречин. Бакалея...) снова насмеялась над Помпеем Ивановичем.

12 декабря 1917 г. мы его застаем на скамье подсудимых Ивано-Вознесенского Губревтрибунала. Его обвиняют в краже крупной суммы денег, — и присуждают к полтора годам тюремного заключения.

Сам Гречин утверждал, что эта растрата произошла исключительно по мягкости натуры: он не мог отказать сильно нуждавшимся друзьям, уезжавшим из-за конфликтов с Советской властью, — заграницу.

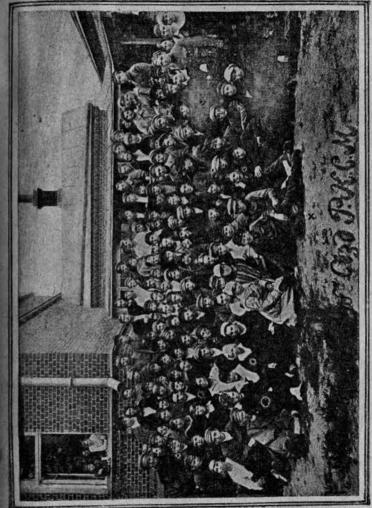
Во всяком случае, бесспорно то, что полтора года Гречин просидел не даром. Выйдя из тюрьмы, он решил, что приобрел новую специальность: — быть юристом.

Целый ряд лиц считали, что Гречин несколько преувеличивает свои способности, ибо, кроме того, что он честно просидел полтора года в тюрьме, — он ничем себя на поприще Советской юстиции не выказал...

Обычно мягкий — на этот раз Помпей Иваныч проявил зверскую решительность:

К весне 1922 г., мы его застаем на посту «народного судьи» Середского уезда...

В день от'езда Гречина, завхоз Иванов, корявым почерком сделал отметку: «исполнено» А. Иванов».

Эта отметка красовалась на белом листе бумаги, где грузно почивало краткое распоряжение директора:

— «Завхозу Иванову».
 Выдать тов. Гречину 20 (двадцать) аршин мануфактуры (черного сукна»).

Никишин.

Бумагу Иванов пришил к делу и вслух заметил, растягивая звуки:

— Зна-менательный человек Помпей Иваныч!

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

ДЕЛО РАЗ'ЯСНИЛОСЬ: ПАВЕЛ КАМИНСКИЙ УБИТ НЕЧАЯННО.

На смену Гречину прибыл уполномоченный Губрозыска Низяев.

Человек с крепкой волей, он с первого же допроса с'умел дать другое направление всему делу.

Что тут не было самоубийства, - для него было

очевидным.

Кто же убил?

Широко развертывает работу Низяев, — устраивая очные ставки свидетелей, детально спрашивая, знакомясь со всеми обстоятельствами смерти Павлуши.

 Тут уж дело другое. У этого хоть рожа тоже корявая, кирпича просит,—но, зато уж человек, видимо деловой.

И в самом деле:

30-го мая арестовывается по ордеру, подписанному Низяевым—Михаил Игнатьев.

Вслед за тем берут под арест по делу «об убийстве комсомольца Каминского»—Николая Васильевича Никишина.

Вслед за ним-Бартеньева.

Паша Стулова, работница мануфактуры, дает дополнительные сведения: «Накануне смерти, Павлушка

ВТОРОЕ СЛЕДСТВИЕ ПОЗДЕЛУ КАМИНСКОГС! уполномоченный Губрозыска Георгий Матвеевич Низяев

мне говорил, что на днях грозил ему Никишин, дескать, если не бросишь против меня волынку, — хуже будет!».

Протоколировал Низяев.

Сшивал документ к документу.

Особо—«совершенно секретно» допрашивал Игнатьева, Бартеньева, Никишина.

Был Низяев и в Ковригине, производил обыск у отца Михаила Игнатьева. Такой же обыск произвел у Никишина.

— Чисто работает — говорили рабочие.

О том, что Никишин мог убить Павлушку стали говорить на Горко-Павловской мануфактуре уже совсем открыто.

Наконец, Низяев кончил предварительное следствие и выехал в Иваново со всеми материалами, среди которых выделялись четыре основных документа.

- 1. Бесспорное показание врача Алявдина: «Самоубийства не было».
  - 2. Показание Михаила Игнатьева от 4 июня:

Настоящим сознаюсь в лживости всех данных мною ранее показаний.

В действительности дело было так: 25 апреля, зайдя ко мне в райком, Павел Каминский стал меня просить, чтоб я показал ему, как взводить курок на моем револьвере. Я согласился, но забыл, что там осталась еще одна пуля,—я взвел курок и выстрелил прямо в Каминского.

Испугавшись, что я за это буду сильно наказан, я и выдумал историю с самоубийством, и потому меня так сильно все время мучила совесть, и я себя так странно все время вел, — настоящее мое показание прощу считать действительным и достоверным.

М. Игнатьев. 4 июня 1922 г.

3. Из показаний Бартеньева.

«...Говорил я с женщиной на улице, после чего захожу в комнату райкома, вижу: лежит с простреленной головой Каминский и около него с револьвером в руках Игнатьев. Увидев меня, Игнатьев с плачем говорит: «Прости меня... я нечаянно убил... умоляю никому не говорить».

4. Заключение инспектора Низяева.

«Полагаю возможным определенно утверждать, что в данном случае было именно нечаянное убийство.

Только лишь боясь наказания, Михаил Игнатьев ложно показал о самоубийстве. Бартеньев, жалея Игнатьева, также ложно все время показывал, что тут было самоубийство. Что касается показывал, что тут было самоубийство. Что касается показаний Веденова о записной книжке, то их существенными ни в коем случае считать нельзя. Ибо во-первых накануне смерти по каким либо причинам, сам Каминский мог некоторые листки вырвать, да, наконец, посколько книжка была растрепанная, то ничего удивительного, что некоторые листки могли выпасть. Еще доводы о странном поведении Никишина — также считаю неосновательными. Правда, поведение было нетактичным, — что об'яснялось их личной неприязнью друг к другу, но, во всяком случае, преступного не видно.

В целом подозрение на Игнатьева абсолютно нелепо. По натуре миролюбивый юноша, честный комсомолец, не питая никакой ненависти к Каминскому, даже наоборот, — он, никоим образом, не мог его сознательно убить. Что касается вообще утверждений Веденова о преступлениях администрации, то лично я
склонен считать вообще все показания Веденова —
плодом мальчишеской фактазии, что и оказалось со
всеми его предположениями о сознательном убийстве
П. Ю. Каминского».

**

Заключение Низяева, ставшее известным в Горко-Павлове, ошарашило своей неожиданностью.

Ожидали, что вот-вот получится официальное сообщение: «Никишин через одного из своих друзей убил Павлушу».

А оказывается!!!

Главное, что заставляло верить Низяеву, то — что работал то Низяев усердно и по всему видно—честно...

Завхоз Иванов не мог себе отказать в удовольствии прошипеть:

 Языки, же у вас, ребятки, длинные. Вам бы ими мусор подметать. Болтали, болтали, — Никишин убил, Игнатьев убил, - а что оказалось? Так на все вы язык погано чешете.

Никишин, по распоряжению Низяева, был отпущен на своболу.

Скоро должны были освободить и Игнатьева.

А Борьку Веденова, очевидно, привлекут к ответственности.

THE RESERVE OF STREET На Горко-Павловской мануфактуре стало тихо.

Совсем перестали говорить об администрации и Павлушке Каминском.

Борис Веденов сдал дела Пряхину и уехал к себе в Поповское.

Приближалась осень и настроение было склизкое. Все лето мотался человек - оказывается по пу-CTOMV ...

Правда, и сейчас что-то бузит внутри против заключения Низяева. Но где то уж там!

Снова в галошу посадят.

Надо отдохнуть, - освободиться от мучивших все лето, мыслей.

А то, в самом деле, чего доброго, с ума свихнешься. Горко-Павловская организация комсомола не могла не быть довольной результатами следствия.

Павлуша самоубийцей не был.

ment seek to conjust waterly one thought seek to the

Consider the state of the state

Известие это быстро разносится по уезду и, постановлением Укома, Игнатьев за ложь и подлое поведение исключается из членов Союза.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

НЕЧАЯННЫЙ УБИЙЦА-МИХАИЛ ИГНАТЬЕВ.

Сын кулака-заводчика, владельца крупного Середском уезде валенно-сапожного завода, - Михаил Игнатьев с малых лет рос в атмосфере купли-продажи.

Это чувство старался в нем развить и отец.

С малых лет, умный, одаренный Игнатьев приохотился к чтению.

Книгами, которые он поглощал в большом коли честве, были всякого рода сыщицкая и бульварная литература, которую доставлял ему в большом количестве один из его родственников.

Чтение этой литературы развило в нем мысль стать

большим героем.

Что для этого в первую голову нужны деньги — он знал уже с малых лет, когда отец давал ему их в виде награды и отнимал при всякой провинности.

Результаты этого ненормального увлечения в атмосфере типичной кулацкой семьи-сказались быстро.

К тринадцати годам он вытаскивает у отца бумажник с деньгами, оставляя маленькую записку:

- «Папа, зарезать тебя не успел, еду в Америку

торговать рабами. Миша».

Ловят его в Середе! — три дня секут, но этим, конечно, не исправляют. По прежнему он строит бесчисленные планы — выжидая удобной минуты для их осуществления.

В 16 лет Игнатьев судится за вооруженную драку. Протокол этого суда, хранящийся во втором томе дела, рисует Михаила Игнатьева, как очень буйного парня. Кто-то из бывших рабочих выругал его отца — он схватил винтовку и прикладом избил рабочего.

Годы революции не могли не повлиять на впечатлительного Игнатьева.

Теперь, для того, чтобы быть героем, не надо денег.

На оборот, за это садят в Чека.

Другое дело — быть коммунистом.

И Миша видит себя с наганом. Он арестовывает, убивает.

Куда хочешь езди, никого не бойся и никому не подчиняйся...

Болезненной мечтой Миши становится: стать коммунистом.

Осторожно от родителей, он начинает читать большевистские газеты, в сельсовете достает даже маленькую книжку «Чего хотят коммунисты-большевики».

Дома за обедом, уплетая хлеб, выпалил Миша:
— А если я, папаша, к тебе с ордером из Чека приду, тебе страшно будет?

Затопал ногами отец.

 Недоставало, чтобы у меня дома большевистский смерд рос.

Слова отца оказались очень меткими. Этот большевистский смерд рос очень быстро.

Как только организовалась в Ковригине ячейка комсомола, он быстро бросает родительский дом и записывается в комсомол.

Скоро переезжает в Середу — там временно работает при клубе.

ИГНАТЬЕВ, Михаил Петрович (снят в тюрьме)

Постепенно он выдвигается.

Проходит в Уком комсомола и, став его секретарем, в члены Иваново-Вознесенского губкома.

Умел Миша выступать на собраниях, был нелурой работник, — и хотя при обсуждении его кандидатуры взял слово один из ковригинских ребят, заявив, что Михаил Игнатьев—карьерист, но внимания на это не обратили.

В нем самом за два года произошли большие перемены.

Стал, первым делом, реальнее. Проснулась отцовская куланкая жилка. Но вместе с этим мечтать о великой будущности не перестал.

Эта черточка, прорывавшаяся очень часто, стала

не нравиться ребятам.

 — Мишка думает, что работника лучше его и в Москве не същешь.

 — Зазнается, сволочь... — сразу заметили ребята.

Но о мечте Мишиной на Всероссийском с'езде пройти в Ц. К. знали не все.

Сам же Миша деятельно к этому готовился.

В письме к девице Невольниковой, с которой он близко пружил. Игнатьев пишет:

«Скоро мне придется, наверное, Клашка, переехать в Москву. Тут для мечя малый масштаб работы. Тебя же Клашка, с собой возьму. Не забуду, хотя делов к тому времени у меня будет не мало». Но...

Кандилатуру Миши единогласно провалили на следующем Ивано-Везнесенском губс'езде.

— Треплется парень и зазнался! — заявили от

имени Тейковской делегации.

Провалили его также и в Бюро Укома.

— Нам нужно в Бюро ребят рабочих. Мишка этот,

хоть и старый комсомолец, но карьерист.

Середский Уком, куда попал Игнатьев, постановил послать его секретарем в Горко-Павловский райком, в связи с уходом на производство Паши Каминского.

Планы Михаила Игнатьева рухнули.

Знал, что если будет артачиться, выставят из комсомола.

И в Мише заговорила кровь Петра Парамоныча — владельца валено-сапожного завода...

Чумазые ребятишки, раньше бегавшие босиком под окнами его отца — провалили его в Уездком, провалили в Губком...

Не признают его...

Стирают, потому что он умнее их, лучше их, по-

Выйти из комсомола?

West and and all the

Что тогда делать?

Отец обеднел за эти годы... А теперь НЭП...

Были бы деньги! Тогда бы он показал всем, что такое Михаил Игнатьев!

С такими мрачно-безнадежными мыслями, — приехал Миша в Горко-Павлово.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

ЗАЯВЛЕНИЕ В СОВЕТ ТРУДА И ОБОРОНЫ.

Все дело с окончательными выводами Гречина и Низяева попало в руки председателя Ивано-Вознесенского Губернского Революционного Трибунала.

Из беседы с начальником Губрозыска тов. Меднисом, пред. Губревтрибунала тов. Ростовский узнает дополнительно, сколько времени велось дело,— как его вел Гречин и т. д.

Старый ревтрибунальщик, перевидавший виды, — тов. Ростовский решил поближе ознакомиться с этим делом.

Немного времени спустя, Ростовский завел беседу со своим следователем Аминьевым.

— Мне кажется, тов. Аминьев, что дело тут сложнее. Ведь показания Веденова о записной книжке ни кем не опровергнуты? Почему все таки пропали какие то листки? Тут, во всяком случае, нужно детальное расследование. Смерть активного комсомольца — это слишком крупный факт, чтобы так быстро ликвидировать всякие сомнения.

После личного разговора с Низяевым, он еще больше укрепился в своих соображениях.

— У этого Низяева очень подозрительные повадки. Я не берусь решать окончательно, но что дело нуждается в посылке ответственных товаричей для окончательного расследования, — это для меня бесспорно.

Коллегия Губернского Революционного Трибунала утверждает предложение тов. Ростовского о посылке в Горково тов. Аминьева и Турецкого.

Лично тов. Ростовский дал им наказ держать его в курсе всего дела, — всех же заключенных по этому делу временно не освобождать.

Еще одно, совпавшее к этому времени, обстоятельство заставило руководящие органы Ивано-Вознесенска сосредоточить внимание на Горко-Павлове.

Лело в том, что побывавший в отпуску в Горко-Павлове, курсант 1-й Об'единенной Школы имени В. Ц. И. К., тов. Смирнов послал в Совет Труда и Обороны заявление, в котором говорил:

«Администрация Горко-Павловской манифактуры, лабы безнаказанно развить свою преступную деятельность, направо и налево дает взятки, окружает себя послушной милицией. Всем этим руководит пвно примазавшийся член коммунистической партии—директер Никишин. Рабочие неоднократно жаловались и в Иваново-Вознесенский Губтекстиль, но из этого ничего не вышло».

Свое заявление курсант Смирнов подкрепил рядом документов.

Совет Труда и Обороны направил это заявление в Ц. К. К. при ЦК РКП.

Оттуда это заявление было переслано в Ивано-Вознесенскую губернскую К. К. с предложением:

«Немедленно расследовать и довести до сведения Ц.К.К.».

Для ревизии всей Горко-Павловской мануфактуры выезжает специальная комиссия во главе с секретарем Иваново-Вознесенской губ. К.К.

9 месяцев упорной следсувенной работы совершенно по новому раскрывают картину того, что творилось на Горко-Павловской мануфактуре.

Первым результатом нового следствия явилось установление того факта, что и Гречин, и Низяев были подкуплены.

Гречин-Никишиным.

Низяев—отцом Михаила Игнатьева—Петром Игнатьевым.

Это случилось тогда, когда Низяев приехал в Ковригино к отцу Игнатьева для снятия показаний.

Что касается самого Низяева, то следствие устанавливает его прошлое— несравненно более богатое, чем у него достойного предшественника.—П. И. Гречина. Низяев тоже забыл упомянуть об этом в анкете.

СВЕРХУ ВНИЗ: т.т. Ростовский Меднис, Турецкий.

Подкуп Низяева произошел следующим образом: прибыв в Ковригино, он, кстати, вспомнил,—предварительно узнав, что у Петра Игнатьева есть валено-сапожный завод,—что идет осень, за ней зима,—и кто его знает? Сапоги, может быть, будут рваные, а валенок вовсе не будет...

— Гражданин Игнатьев, сколько вот вы у меня возьмете за пару валенок? — испытующе спросил он.

— Что вы, товарищ Низяев! Неужто для представителя своей, рабоче-крестьянской власти, — да пожалею валенок? Ми-т-реха! Товарищу Низяеву три пары валенок, да смотри — получше.

С этого началось. А уезжая, несмотря на хмельное состояние, Низяев все же осязательно чувствовал у себя под ногами куль крупчатки, мешок с картошкой и прочие сельско-хозяйственные мелочи.

Деятельность же самого Никишина впервые предстала в своем настоящем виде.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

is the second of the party of t

ГОРКО-ПАВЛОВСКАЯ АНТАНТА.

С одним из помощников Никишина — псаломщиком

Бартеньевым — мы уже знакомы.

Другим соратником Никишина — был завхоз Иванов. Кулак, выбитый годами революции из колеи, он трусливо думал о том, чего Никишин открыто добивался.

Никишин выписывает его из Саратовской губернии, как незаменимого специалиста. Сразу получает Иванов место завхоза.

Хотя старый завхоз и был на своем месте, — но нового горячо рекомендует сам Никишин:

 Этот Иванов, — хотя местным людям и незнакомый, — но, должен сказать, человек единственный в своем роде. Положиться можно, как на отца родного.

Но сразу не повезло Иванову. Целый ряд стихийных бедствий навалились на его честную, неподкуп-

ную голову.

На складе за пять месяцев его работы «усохло» 190 пуд. хлеба, — так что выбросить пришлось, и еще проклятые крысы изгрызли на складе 1.024 аршина мануфактуры.

Но Никишин, по доброте своей, снисходительно смотрел на завхозовские несчастья.

— Тут ничего не поделаешь. Против человека сама природа идет, — защищал Никишин завхоза от нареканий.

Злые языки указывали, куда сплавил Иванов эти 1.024 аршина и 190 пудов хлеба. Но директор Никишин официально заявлял, что «все это клевета и гнусный вымысел...»

А из старых служащих больше всего по душе Никишину пришелся зав. ткацким отделением Соколов.

Еще при Скорынине Соколов чувствовал большое уважение к Никишину. Рыбак рыбака издалека видел.

 Поверите, Николай Васильевич, все годы как вы отбыли с нашей мануфактуры, я день изо дня твержу жене:—«Вот увидишь, вспомнит о нас Николай Васильевич и приедет наладить дело...»

Как Никишину не приблизить к себе такого верного, понимающего человека?!

Так создался «союз четырех» — Никишин, Соколов, Бартеньев, Иванов, — начавший верховодить всеми делами Горко-Павловской мануфактуры.

Было свое разделение труда.

Если Иванов был ближайшим помощником Никишина в деле выработки тех или иных планов, перспектив, Бартеньев — способный осуществить крупные задания, то Соколов был лишь техническим придатком. Он был мелкой шпаной, способной лишь смазывать иодом больную поясницу Николая Васильевича Никишина и подливать разливного самогонного в пустеющий (хронически!) настольный графин того же Никишина.

"ГОРКО-ПАВЛОВСКАЯ АНТАНТА": Иван Александрович Соколов, завед. ткацким отделением на фабрике.

Соколов по существу, как следует, не понимал всего того, что творил Никишин, усердно лишь выполняя все его задания.

Под техническим руководством Соколова Никишин заводит «фонд образцового товара» для всякого вида непредвиденных расходов. Основа фонда: 1.880 аршин мануфактуры, обнаруженных при сдаче дел старым директором — новому. Этот фонд ни на каком официальном счету не числится, расходуется по записочкам (нигде не регистрируемым) самого Никишина.

Но тогда, когда есть «нужда», Никишин и К^о не поощряют в себе собственнические инстинкты: что значит «наш» и «не наш» фонд. Есть один фонд... Горко-Павловский. Им щедро пользуется Горко-Павловская Антанта.

who is the words of the Wall and the state of the Constitution of

глава двадцатьпервая

ЗАПИСОЧНОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Четыре паука на теле изнемогающей фабрики.

— Я сам себе двойная бухгалтерия... — в упоении от своих действий, лишенных бюрократически-бухгалтерского налета, хвастался Никишин.

Приезжают в Горко-Павлово нэпманы Мальцев и Сибиряков. Приезжают по приглашению Никилина.

Радостно и приветливо встретил он их от имени администрации мануфактуры.

Добро пожаловать!
 Вскоре и по рукам.

Уезжают почтенные купцы, захватив с собою большое количество товара на особо льготных условиях—в рассрочку на четыре месяца— (с обязательством отдать деньги в бумажной валюте, не изменяя первоначальной цены).

Почему такая милость?

Рабочим в твердой валюте Никишин отказал в товарном кредитовании,—тут извольте, в рассрочку и при том по себестоимости...

— Ничего вы не понимаете в НЭП'е. Это штука тонкая, надо понять,—наставлял Никишин ячейку.

Только вот под тяжестью этой тонкой штуки хрустит зарплата рабочих.

 С каждым месяцем уменьшается оклад рабочего жалования, и собираются рабочие жаловаться в Иваново.

Но тут, во время вспомнил Никишин Ивано-Вознесенский Губтекстиль.

 Сидят, несчастненькие, в канцеляриях и об нас заботятся. Почему же администрации Горко-Павловской мануфактуры и об них не побеспокоиться?

И зав. Губтекстилем Родионов в один прекрасный день получает из Горко-Павлова сверток, с запиской

от директора Никишина:

«... Многоуважаемый тов. Родионов! От имени всех рабочих прошу вас не отказать принять маленький подарочек...»

Этот подарок заключал в себе 200 арш. ману-

фактуры.

Не правда ли, какая любезность со стороны директора Никишина?

Ведь у Родионова жена и дети!

200 аршин мануфактуры, ведь, так пригодятся, обремененному семьей и Губтекстилем, — Родионову.

Правда, немного смущает Родионова вопрос о том, с каких это фондов берет Никишин 200 аршин?

Но легкое облачко смущения — быстро проходит. Много философствовать не в натуре Родионова..

И при первой же встрече Родионов трогательно трясет Никишинскую лапу.

— Вам, тов. Никишин, большое спасибо!

 Да, что вы? За что спасибо. Это я просто по товарищески! Зная, что вы все свое здоровье и силы отдали нашему делу...

Родионов приятно польщен. Жена его мило улыбается. Родионов лично провожает Никишина на вокзал.

Немного времени спустя, к Родионову прибывает большое коллективное заявление Горко-Павловских ткачей с жалобой на злоупотребления Никишина с просьбой назначить ревизию.

Но стоит ли? Николай Васильевич душевный человек и вполне отвечает своему назначению. Какие мо-

гут быть с его стороны злоупотребления?

Родионов кладет коллективное заявление рабочих в «архив ненужных бумаг Ивано-Вознесенского Губтекстиля».

Родионова вскоре смещает некто Червяков.

Но, где сказано, что товарищеские чувства Никишина замыкаются только на Родионове?

Кто думает, что беспредельная доброта Никишина исчерпана!

«... тов. Червяков. Настоящим посылаю вам в ваше личное распоряжение 400 арш. мануфактуры. П я и рабочие будем счастливы сознавать, что наши идейные руководители материально относительно обеспечены.

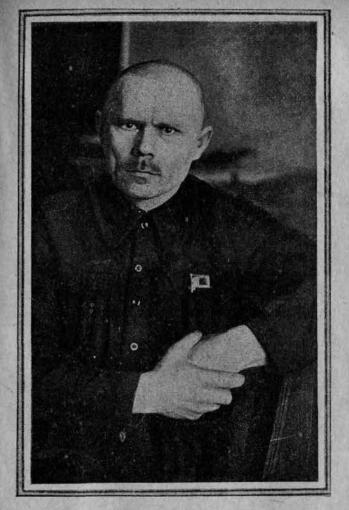
Жму руку. Ваш Н. В. Никишин».

Заместитель Червякова, Лимонов, тоже получает небольшой сверток с писулькой:

— «Тов. Лимонов! Сделайте одолжение Горко-Павловскому пролетариату и примите 25 аршинчиков мануфактуры».

О, для пролетариата и Лимонов, и Червяков, и Родионов, несмотря на то, что все они выходцы из класса мелких буржуа, примазавшиеся к власти в 1920 г., — они готовы на все!... Особенно тогда, когда «именем пролетариата» их обязывают принимать мануфактурные подарки.

Но рабочие продолжают «надоедать» — и для ревизии в Горко-Павлово выезжает тов. Лимонов.

Иван Александрович Аминьев, главный следователь по делу убийства Каминского.

Остановившись на квартире у Никишина — он под

его же руководством (!) начинает ревизию.

Через неделю работы, с актом: «все найдено в образцовом порядке», —Лимонов отбывает в Ивано-Вознесенск и радует жену небольшим подарком.

Так гладко наладил дело Николай Васильевич с административной верхушкой Ивано-Вознесенского Губтекстиля.

Бесшумно двигалось вперед дело расхищения народ-

ного добра.

Жирели любящие «дарить» и любящие «брать».

А в это время чья то упорная рука выводила непонятные «знаки» в маленькой записной книжечке.

Бывший предфабзавком Русков, выступает на рабочих собраниях.

— Товарищи! Нельзя терпеть... до Ленина дойдем,

а правду отыщем!

Усмешкой презрительной кривится испитое лицо Никишина:

— Ишь ты... смердячек! Туда-же... вылез!

Требует Русаков:

— Отчетность дайте! Куда уходят тысячи аршин

мануфактуры?

— Язык у вас, тов. Русков, не на месте... — спокойно отвечает Никишин, и так же спокойно отдает распоряжение:

Уволить тов. Рускова, как несоответствующего.

Начинаются тяжелые для Рускова дни: без службы с семейством. Голод...

Протесты рабочих Никишиным не принимаются во внимание.

С болью в сердце Русков идет на уступки, — принимает его обратно на мануфактуру Никишин с обязательством:

- «Языку - волю не давать»...

Давятся злобой рабочие:

— Эх, кабы ячейка у нас была посильней!

И вместе с ненавистью растет горькое чувство: не сковырнуть жадного паука.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

«O. H.».

— Здравствуйте, тов. Каминский! — остановил однажды Павлушу Никишин — хотя мы с вами и ругаемся, но тем не менее должен сказать: вижу я в вас вполне развитого человека. Я, собственно, всегда говорил, что комсомол это, если можно так выразиться, наше будущее. Да, да... А в общем то, ежели по совести сказать, то мы с вами зря это ругаемся. Надо работать дружнее! Да... Именно дружнее... С удовольствием жду вас, Павел Юльяныч, к себе, как бы сказать, по-старинному, чаек распить...

Противно было слушать все это Павлушке.

Знал он, что лжет Никишин.

Думает к нему подмазаться, — чтобы затем утихомирить.

Глубоко задумался Павлушка над всей политикой,

Никишина.

Хотя он и выступал, спорил, кричал, организовывал протесты рабочих в Губтекстиль и Губ. РКИ, — но сейчас приходилось считаться с тем, что в Ивано-Вознесенске Никишиным замазаны многие, а может и все щели, куда бы могли проникнуть протесты Горко-Павловцев.

Как же действовать дальше?

Одними выступлениями ничего не сделаешь. Поговоришь, поговоришь, а останется все по старому.

Что же делать?...

Приходил к выводу:

« Надо собрать все данные отпосительно Никипина и с фактами в руках поехать самому в Иваново, а оттуда, если понадобится, в Москву, Через Московский комсомол хоть к Ленину пробыюсь, но Никишинскую язву надо удалить...»

Так в разговоре со своим ближайшим другом Борисом Веденовым, строго, секретно, сообщал

Павлуша.

Никишин же решил переменить свою тактику.

Словесные угрозы и любезности ни к чему не ведут.

Надо испробовать старый испытанный метод,
 подарочки... решил он про себя.

Человек действия, Никишин тотчас же прини-

мается за дело.

13-го февраля в 11 часов дня он присылает Каминскому на дом пакет.

Глядит Павлушка: пятнадцать аршин мануфактуры с записочкой:

«Многоуважаемый тов. Камилский. Буду рад вам услужить маленьким подарочком. Если не вам, то уж мамаше пригодител.

С коммунистическим принетом Н. Никишин».

13/П-1922 г.

— Вот подлец. Еще с коммунистическим приветом!...

Громко заявляет Каминский «Никишинскому» посланику. И возвращает обратно пакет, с запиской:

«Граждании Никимии. Мануфактуру возвращаю. Записочку же на память оставляю, кой для чего пригодится». 13/II—22 г.

П. Каминский».

Это обстоятельство увеличило в сознании Павлуши важность принятого решения.

— Вот, значит, как он привык действовать... По 15-ти аршин мануфактуры раздает, а в Помгол ни одного не дал! Рабочим день ото дня хуже!

Действовать! Собрать факты.

Павлушка Каминский в свое решение, в общих чертах, посвящает одного лишь Борьку Веденова, с наказом, никому ни слова.

В маленькой записной книжке, с которой он никогда не расстается, Павлуша заводит специальный

отдел:

«O. H.».

А дальше узнает Павлушка о подарочках в Губтекстиль. О свертках мануфактуры, отправлявшихся для Родионова, Червякова и др., ответственных работников сего учреждения.

Выпытывает все данные, касающиеся деятельности

ближайших соратников Никишина.

В отделе «О. Н.» записной книжки Павлушка отмечает:

«В первую голову разузнать и собрать факты:

1. О состоянии заводских бухгалтерий, 2. Относительно того, кому была везена мануфактура в Иваново. 3) Из каких точно фондов берет Никишин мануфактуру. 4) О чем совещается меж собой «четверка» и т. д., и т. д.».

Видя, что настроение рабочих подавленное, — у Павлушки возникает мысль — пойти на производство.

Помимо того, что это было его давнишней мечтой,

оно давало возможность лучше следить за Никишиным.

Каким-то образом, слух о Павлушкиных намерениях, и, даже о его записной книжке, разнесся по Горко-Павлову.

— Уж если Павлушка взялся, — то дело выйдет... Во всяком случае, не кончив дела, не бросит, —говорили между собой Горко-Павловские ткачи.

Но раньше всех этот слух дошел до Никишина. Снова и снова пришлось Никишину, как следует, призадуматься:

— Ведь, в самом деле! Возьмет парень и напишет в Губком. Да еще сам поедет. Язык то у него есть, — надо, на всякий случай, снова попытаться с подарочком...

8-го марта Никишин посылает на квартиру Каминского бутылку спирта и снова записочку:

«Уважаемый Павел Юльяныч! Получив из Иванова бутылочку, посылаю ее вам. Распейте на здоровье.

С коммунистическим приветом Н. Никишин. 8/111-22 г.

На оборотной стороне было приписано:

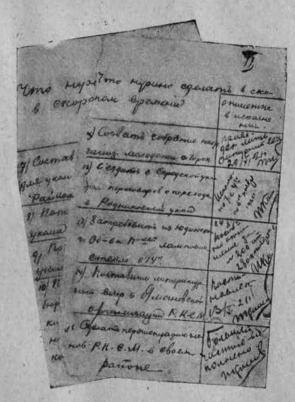
«Тов. Каминский! Слышал, что вы с бираетесь ехать в Середу. Ежели нужны деньги — то сколько надо вам взаимообразно. О возврате можете не беспоконться.

Н. В. Никишин.

Павлуша Каминский возвращает бутылку обратно со своей запиской:

«Г-нин Никишин! Я есть комсомолец, а не пьяница. Прошу запомнить».

П. Каминский.

ЛИСТКИ ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ Павла Каминского, свидетельствующие о редкой организованности покойного. В этой записной книжке Павлуша собирал все данные о злоупотреблениях Никишина.

глава двадцатьтретья

последняя атака никишина.

Получив записку Каминского, Никишин созвал «пленарное заседание» Горко-Павловской «Антанты», —для того, чтобы снова обсудить вопрос о том, как действовать?

Несколько часов подряд совещается «четверка».

Наконец, принимается план Иванова:

«... Подложить к Каминскому в комнату, где он работает, сверток мануфактуры, потом нагрянуть внезапно к нему с милицией, —и об'явить, что им украдена эта мануфактура. Можно свидетелей представить. После этого сейчас же его арестовать, — и прочее ясно: встанет вопрос об исключении его из КСМ, падет его авторитет и т. д....»

Иванов обещает сам все это сделать.

— Уж вы, Николай Васильевич, на меня надейтесь!

Весело потирает руки от удовольствия хитрый Иванов, —смакуя результаты очередного уголовного хода.

Дело однако не выторело.

Заметив у себя в урлу под книгами сверток и сразу смекнув в чем дело,—Павлушка побежал в милицию и заявил о находке. — Это называется работа?—Дурость это, вот что —кипятился Никишин.

А Бартеньев и Соколов доносят своему начальству:

— Интересуется Каминский... Видно, не зря... Как, мол, бухгалтерия?... Как то, другое?...

Эти донесения еще более распаляют Никишина.

В пятый раз решает он переменить свою тактику. Узнав, что на мануфактуре работает отец Павлушки, кандидат партии, Юлиан Каминский, Никишин отдает приказ:

— Уволить, в виду разбухших штатов...

Он хорошо знает, что у Юлиана Каминского большая семья. Ребятишки мал-мала-меньше Но это его ничуть не смущает: «тем лучше...»

В это время Павлушка был на уездном С'езде комсомола в Середе, и хотя прошел в бюро Укома,— но добился своего: — ухода с комсомольской работы на производство. Приезжает в Горково с отношением:

Директору Горко-Павловской мануфактуры Н. Никишину.

Середской Усядный Комитет РКСМ просит принять на производство согласно постановления Пленума Укома,—Члена Бюро Укома РКСМ т. Каминского.

Секретарь Уездкома (Подпись) Зав. Общ. отл. (подпись)

Вверху этого отношения была приписка Уездного Партийного Комитета:

«Середской упартком поддерживает ходатайство укоммола».

Внимательно перечитывает отношение Никишин, — «А, а. Вот оно что? Совсем под меня подкопаться хочет...»

Учтиво возвращает отношение Каминскому, заявляя:

— Пока что, ничего не могу сделать. Местов никаких нет. Сами знаете... Обождите немного...

А это немного тянется день за днем.

Отец без службы. Павлушка тоже нигде на жаловании не значится.

Наступают голодные дни в семье Каминских.

**

Павлушка все более и более обогащает записную книжку новыми данными—и все больше овладевает Павлушкой боязнь при мысли, что у него могут украсть се и тем самым приостановить подачу заявления в центр.

Эта боязнь усилилась у Павлуши после того, как он заметил, что кто-то рылся в ящике его письменного стола.

— Надо быть осторожней! — говорит он в разговоре с Борисом.

В записную книжку начинает записывать по ночам.

ЮЛИАН КАМИНСКИЙ, отец Павлуши.

Главного, по плану Никишина, не случилось. Павлуша и не думал к нему придти с повинной головой. Еще с большим упорством и решительностью Павлуша готовится к борьбе.

Никишин видит явственно, что план взятия Павлуши Каминского измором — не удался.

— Но, ведь, не зря же примолк Каминский?...

Эта мысль мучает Никишина.

Ему самому не верится, что он, Никишин, с'умевший подкупить Губтекстиль, сжавший в ежевых рукавицах всю Горко-Павловскую мануфактуру, — должен будет спасовать перед 19-тилетним мальчишкой.

Мать Павлуши.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬЧЕТВЕРТАЯ

НАКАНУНЕ РАЗВЯЗКИ

В Скорынинском парке 8 апреля до поздней ночи беседовал Павлушка с Павлой Студовой.

Мать Павлушки накануне этого просила Павлу:

— Поговори с ним. Может тебя послушается... Ведь, так не годится, — завтра по миру с сумой пойдем... Сжалься, милая — поговори...

Но Павла Стулова не решалась. Наконец, собралась с духом:

— Хотела с тобой, Павлик, насчет этого, как бы сказать, что просила меня Карловна, т. е. не она, а я сама, насчет того... голодно приходится семье... Сам знаешь... Ребятишки малые... Надо, ведь, подумать, Павлик... Что из этого будет? Никишин и тебя и отца примет на завод. Ты бы только...

— Что только? — вспыхнул Павлик.

Павла смутилась.

— Да, собственно... Не знаю что... Ну, как бы сказать... Ну, Павлик, чего ты странные вопросы задаешь? Не буду отвечать на такие вопросы!

Рассмеялся Павлушка, ласково протянул руку, про-

вел по голове.

— Давай об этом, не говорить. Лучше я тебе частушку, что в Середе на уездном с'езде ребята пели, спою. На мотив, знаешь, «не подсаживайся ближе, брось арапу заправлять».

9-го апреля весь день Павлушка писал:

СЕКРЕТНО.

ЗАЯВЛЕНИЕ От члена Бюро Укома комсомола П. Ю. Каминского.

Находясь на Горко-Павловской мануфактуре в селе Горко-Павлове и собирая секретнейшим образом ряд данных относительно весьма больших алоупотреблений ответственных лиц, прошу сообщить мне, смог бы я сам выехать для доклада об этом в Иваново? В комсомоле нахожусь с 1919 г., сам сын рабочего, вырос тут же.

Мой адрес: Горко-Павловский райком Комсомола, т. Каминскому. Сообщить прошу так, чтобы не

внали, ибо за мной следят.

С коммунистическим приветом *П. Каминский*. 9/IV—22 г.

Заявление это он решил еще раз переписать. Дома не было чернил, и он пошел переписывать в Райком.

Там заседало Бюро Райкома.

Каминский переписку этой бумаги решил отложить. Вечером, спохватившись, заметил, что бумаги нет. Куда делась? Вспомнил: он ее по случайной рассеянности, оставил на столе, в райкоме.

Бежит туда и не находит. Ищет всюду, безнадежно.

Зовет Бориса Веденова и рассказывает:

— Не могу я себе... простить этого, Борька. Но все же я думаю, что вернее всего вымели эту бумажку, потому — из комсомольских ребят никто тащить не будет...

Числа 10-го апреля заявился Павлуша снова к Никишину.

Ну, как будет, Николай Васильевич, с работой?
 Сами знаете, какое у меня материальное положение.

Прищурил глаза Никишин. Усадил Павлушку в кресло, и, нервно расхаживая по кабинету, решил в последний раз попытаться:

- Да, да... Вполне сочувствую вашему тяжелому положению, Павел Юльяныч, но, можно говорить откровенно, могла бы найтись работа для вас и отца вашего... только...
  - Только, что?...
- Да о чем говорить, Павел Юльяныч! Решили вы подкопаться под меня... А совершенно зря... Может у меня опыта мало, не так веду. Тогда, тогда что ж? Давайте вместе. Отца вашего готов даже помощником директора зачислить. Вас, опять-таки, на подходящую работу. Но не для подрыва, Павел Юльяныч..., а для работы... Вот как, Павел Юльяныч, дела обстоят...
- А как Вы думаете, сразу это можно сделать?—
   вдруг спросил Павлушка.

Возбужденно зашагал по кабинету Никишин. В словах Павлушки для него мелькнул луч надежды на мирный исход борьбы.

— Вот тут и поговорим... Для первоначалу, на собрании рабочих выступить. Дескать, так и так. Зря это я скулил на администрацию... Да мне ли вас, Павел Юльяныч... Я всегда говорил, что комсомол это, можно сказать, наше будущее. Можно будет вам переехать и в наш флигелек...

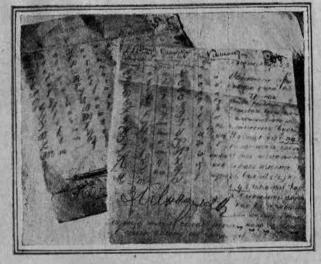
Но тут, к ужасу радостно размечтавшегося Никишина, Павлуша направился к двери. — Николай Васильевич! Зря вы это все говорите. В том, что вы шкурник и нечестный человек, я давно убедился.

Словно ушат холодной воды пролился на голову Никишина.

非非

— Нет... Нет... Иванов! Ты должен понять, что, если медлить будем, то этот с... с... нас всех отправит к Кузькиной матери...

Carlotte to to the state of

ЕЩЕ ЛИСТКИ: они взяты из его тетрадки. Павлуша решил самостоятельно изучить французский и немецкий языки, и взялся за дело.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬПЯТАЯ

убийство.

Следователю Аминьеву Михаил Игнатьев сознался:

— Павла Каминского убил я, Михаил Игнатьев.

Убил я его при следующих обстоятельствах: утром к
11 час. пришел он ко мне с бумагами и только что полученными из Ивано-Вознесенска газетами и журналами. Сел переписывать «Дубинушку», после чего просмотрел Московскую газету и стал читать журнал
«Юный Коммунист». Увидев, что он в чтение углубился, я подошел сзади, вынул из кармана мой револьвер «наган» и выстрелил в него. После чего он упал.
Тут я позвал Бартеньева, с которым мы были условившись, что заявим, что это самоубийство. Настоящее
показание свое даю совершенно открыто, без всякого
принуждения, в чем расписываюсь.

М. Игнатьев.

30 мая. 19-22 г.

Показывать ложно, что все это было нечаянным убийством, научил его *Низяев*, подкупленный отцом Игнатьева.

Какого рода намерения были у Никишина мы знаем.

Самому же ему привести их в исполнение трудно. Надо, чтобы в момент убийства все видели и знали, что Никишин, спокойно находился за работой.

Присущим ему чутьем Никишин почувствовал в лице нового секретаря Комсомола-Михаил Игнатьева — человека, который ему, Никишину, может при-

Впервые заключили меж собой безмолвный союз Игнатьев с Никишиным на заседании ячейки партии, когда Игнатьев, доказывая о том, что он вступил в исполнение своих обязанностей, заметил, что «дела далеко не были приняты им в полном порядке».

В прениях указали — «вряд-ли», — потому, что

Каминский работая дельно.

Но поддержал Игнатьева Никишин, заявив, что Каминский больше болтал, чем работал.

В то же вечер сдували пенки Никишин с Игнатьевым на дому у директора.

Оставленное 8 апреля Павлушей на столе заявление в Г. П. У. попало в руки Игнатьева.

И сразу стало досадно, что Павлушка что-то такое раскрывает, в то время, как он, Игнатьев, лишь мечтает о таких вещах...

Толкаемый чувством зависти и вражды к Каминскому, Игнатьев решает помешать ему выполнить за-

На следующий день, зайдя в кабинет к Никишину, Игнатьев показал ему: «Секретное Заявление» Па-

Жадно схватил его Никишин.

— Видите, видите, тов. Игнатьев! Я вам говорил, что это подлый и вредный человек. Будьте уверены, что и вас он впутает в такое дело, что рады не будете.

Собственно, над этим Игнатьев никогда не задумывался.

- А, ведь, возможно, кто его знает?...

10-го апреля, часам к 12, зашел в кабинет Игнатьева Никишин.

— Доброго здоровьица, тов. Игнатьев! Как жи-

вем-можем?

Да так, как видите.

— Хотелось бы с вами поговорить наедине.

— Можно... Я только запру дверь. Ну, вот. Слушаю вас.

Никишин придвинулся к Игнатьеву, и стал перед

ним развертывать захватывающий план.

- ...убить Каминского. Заявить, что это было самоубийство... Бартеньев и другие повторяют... Подозрения не будет... А за это... О, за это Игнатьев будет осчастливлен на всю жизнь. Никишин его озолотит. У Никишина есть...

Целую неделю под'езжал Никишин к Игнатьеву.

Изучал его:

Видел: Игнатьев Каминского не любит. Дальше: Игнатьев многим не удовлетворен... Разговорившись по душам с Никишиным, Игнатьев рассказал ему всю свою горькую повесть: фактически комсомол отверг его... Из членов Губкома — по существу на техническую работу, в Горко-Павлово...

Знал также Никишин, что Игнатьев податлив. Надо только — твердо действовать. Лучінего случая

быть не может. Самоубийство и — готово.

- ...А когда он замертво упадет, - вынуть записную книжку из бокового кармана и передать мне... Только и всего... Если только, Михаил Петрович, выне баба, вы должны сделать это! А деньгами я вас награжу так, что всю жизнь...

Долго вел беседу с Игнатьевым Никишин,

Давно так усиленно-не билась мысль у Игнатьева. Вот, наконец, наступил момент в его жизни, когда он должен сделать нечто большое, крупное...

Он будет иметь деньги... Поедет в Москву. А от-

туда заграницу. Купит автомобиль...

Ведь, он с малых лет об этом мечтал.

Но убить!? Не слишком-ли?

Что слишком? Меньше одним Каминским на свете, Подумаешь... Да, кроме того, Каминский и под него, Игнатьева, наверное подкапывается. Донесет он в Г. П. У.... Посадят его в тюрьму, — и прощай все... В тюрьме сыро, гадко, и так долгие годы...

Да, да, — убить, убить...

А вдруг раскроют?

Кто раскроет? Самоубийство! Как это Никишин ловко придумал! Никто и не догадается. Ни тени подозрения.

«...Сперва с деньгами я поеду в Ковригино, отцу маленько дам, — на, знай и помни Михаила!... Клашке куплю подарок такой, что рот разинет от удивления...

«...Ну, а не страшно будет убивать? Вот тоже! Страшно. А как же в Чека работают? Мало ли читал он про это? Главное, - не убъет он Каминского, так тот его. Ну, это вилами по воде писано... Никишин вот рассказывал, как Каминский под него подкопался, тоже будет и с ним, Игнатьевым.

«...Можно будет и в Иваново на месяца два поселиться... Лошадей нанять, куда надо ехать.

«...Но все-таки убить? Боязно!...

4 апреля в 11 часов дня на квартире Никиппина со-Никишин, Бартеньев, вещались. Присутствовали:

— Довольно оттягивать... Да? — да. Нет? — нет. Игнатьев... 2-го мая Каминский собирается ехать в Иваново, — а к 5-6 мая, нас всех поарестуют. Это факт. Он имеет оольшие связи в Г. П. У. и сделает это.

Игнатьев сидел нахмурившись. Теперь отказаться

уже поздно...

«- А. собственно, почему отказаться? Жалко? Ничуть... Итак, что же? Стыдно сознаться: боязно, что

не выдержит он своей роли.

— Итак, обстоятельно обсудим... К 11 час. вы, Игнатьев, его приглашаете к себе в Райком. Никого в райкоме не будет, а потому удобнее всего будет... Бартеньев тут же подойдет и оба подымите крик, что Каминский кончил самоубийством. Клашка Невольникова, если потребуется, будет показывать, что в час смерти Каминского разговаривала с Игнатьевым...

В три четверти двенаднатого Каминский был убит. Записная книжка через Бартеньева была передана Никишину. Листки «О. Н.» были вырваны и книжка обратно пошла к Игнатьеву.

Все по плану.

За исключением самих нерв Игнатьева.

Они разыгрались вне Никишинского плана.

И уже, не думая о деньгах, не требуя их, — полный боязни и страха, Игнатьев едет домой, к отцу, сбежав с работы.

глава двадцатьшестая

ПАВЛИК.

Весной 1922 года не стало комсомольца Павлушки, сумевшего всей своей жизнью и работой доказать, как должен жить и бороться ленинец — к о м с о м о л е ц.

Пойдите к ткачам Горко-Павлова — и они вам расскажут про смерть комсомольца Каминского.

Эта книга не выдумана беллетристом.

Ткачи вам расскажу до жути правдивую историю Павлуши Каминского. Они вам расскажут больше, сотни и тысячи раз больше, чем эта маленькая

Вы можете пройти 3 версты до Горково, — и там найдете престарелого отца Павлушки, — рабочего, члена партии, Юлиана Каминского.

Его лучше ни о чем не расспрашивайте. Передайте. ему, старику, что о Павлуше комсомольцы помнят.

Нельзя забыть его, одного из первых, поднявшегося до неподдельного героизма в деле борьбы за каждую пядь, за каждую мелочь, за каждую веревочку в советском хозяйстве.

Павлуша, (снимок относится к 1918 году).

Имя Павлушки Каминского известно рабочей молодежи самых медвежьих уголков Ивано-Вознесенской губернии.

В дни суда над убийцами Павлушки — в президнум суда поступали резолюции многочисленных собраний рабочей молодежи с требованием «суровой кары убийцам лучщего Ивано-Вознесенского комсомольца Павлушки Каминского».

Рабочий клуб, где был убит Павлушка, рабочие Горко-Павловской Прядильно-ткацкой фабрики переименовали в клуб —

«Имени Павлуши Каминского».

Горко-Павловская организация Комсомола в день годовщины смерти Павлушки, по предложению представителя уездного комитета комсомола тов. Пряхина, единогласно постановила:

«...начать сбор денег на закладку памятника Павлуше Каминскому».

**

После смерти Павлушки осталась знаменитая записная книжка с вырванными Никишиным листочками.

Эти оставшиеся листочки его записной книжки дают нам право считать, что в лице покойного Каминского мы имели не только на редкость самоотверженного, беззаветно-честного комсомольца (об этом ярко, не нуждаясь ни в каких коментариях свидетельствует вся история его взаимоотношений с Никишиным),— но и на редкость организованного работника.

Только его исключительным организамионным способностям, его даровитости в целом, можно приписать ту громадную работу, которая была им проделана в Горко-Павлове.

Мы сейчас много говорим о «НОТЕ», — о необходимости уметь планировать работу, умело и бережно распределять свое время.

У Павлуши Каминского — низового райкомовского активиста 1920—1921 г.г. могут и сейчас многому учиться тому, как осуществлять НОТ в своей работе.

Вот несколько листков Павлушинской книжки: (Смотри стр. 133).

Это так называемый отдел: «Расписание и выполнение заданий».

Мы видим, как строго контролировал самого себя Павлуща Каминский.

Ежедневно он себя спраши ал: — «Все ли выполнено мною, что мне следовало выполнить?

В записной книжке Павлушки имеется расписание дня. Тут перед нами Павлушка — «Эльвист» (тогда, и в помине еще не существовавшей Л. В.):

«С 1 часа до 10 час. утра читать Бухарина; с 10—12 в фабкоме; с 12—2 подготовить доклад в Горково; в 2—3 обедать; с 3—7 в комитете; в 7 на заседание Правления; с 10—12 гулять».

И так на каждый день делал Павлушка отметки. Необычайно много работая, Павлушка учился. Непрестанно двигался вперед в своих знаниях. Об этом блестяще свидетельствует, опять-таки, его записная книжка, где имеется множество выписок из прочитанных им книг по самым разнообразным вопросам.

Самый характер этих выписок говорит о том, что Павлушка не разбрасывался в своей самообразовательной работе, действуя и тут по плану и системе. Причем мы знаем, что все достигнутое им он старался тотчас же передать другим ребятам,

Отдельные листки его записной книжки посвящены работе местных сельских ячеек.

Тут бьется из под каждой строчки редкая внимательность, преданность и организационный обхват работы:

«Не забыть послать в Поповское ребятам письмо, что слишком отвлекли свои силы на советскую работу. За книжку Каутского это взялись эря. Пока что—пусть начнут с Бухарина. Что касается того, что сельсовет не хочет освободить требуемой нам под клуб, то через уезлком, а там через уисполком повлиять. Послать также последние газеты «Рабочий край» и «Правду»..

Таков был Павлушка. Славный комсомолец Павлик.

СУД НАД УБИЙЦАМИ ПАВЛУШИ КАМИНСКОГО

происходил в Ивано-Вознесенске летом 1923 года

ИЗ РЕЧИ ГУБЕРНСКОГО ПРОКУРОРА Т. РОСТОВ-СКОГО

(отдельные выдержки).

Дело, которое мы слушали, затянулось в следственном производстве необыкновенно долго, подтора года.

События же преступных действий, которые нам здесь приходится рассматривать, возникли еще раньше, чем началось предварительное следствие. Да и не удивительно. В числе других обвиняемых находятся двое следователей, работавших по данному делу, которые из корыстных побуждений так вели судебное следствие, действуя в угоду подкупившим их преступникам, дабы наиболее затуманить дело, создать такие условия, при которых наиболее трудно было бы обнаружить истинных виновников кошмарного преступления, разыгравшегося на Горко-Павловской ф-ке.

Следователи взяточники.

Гречин брал взятку. Признал себя виновным. На

допросе у Аминьева, говорит ему:

— Я тебе сказал правду, а теперь ты их можещь крыть. — Но взятки он брал, и без большого наказания Гречин уйти не может.

Давая характеристику Низяеву, прокурор говорит:
— Низяев фигура более гнусная. Если Гречин взял взятку, то хоть потом сознался, а Низяев пошел на блок с мелким заводчиком-сапоговаляльщиком.

Предупреждает его об обыске, пьет с ним чай, раз'-

езжает на его лошади.

Обвиняемый Червяков не отрицает факта многочисленных преступлений - получения мануфактуры

— Этот, примазавшийся к Советской власти и РКП — восклицает прокурор — на заявление Русова о злоупотреблениях на фабрике, пальцем о палец не шевелит для устранения его. И только, спустя месян после этого заявления, отдал приказание о заприходованин 1.800 арш. мануфактуры, но ни словом не обмолвился об остальных безобразиях.

Такое отношение к своим обязанностям создало обстановку, при наличии которой Никишин, Иванов и Соколов бесзастенчиво расточали народное достояние и, таким образом, следует считать установленной вину Червя-

кова по ст. 14 ч. 2-й Уголовного Кодекса.

«Иванов и Никишин снабжают Червякова мясом, са-

лом и другими продуктами.

Снабжение это есть символическая картина обжорства этих акул в то время, когда сто миллионов народу жило впроголодь, а рабочий класс жертвовал последним куском хлеба, чтобы спасти умирающее от голода Поволжье».

Перечислив удики в виде выдачи пайка Гречину для его семьи и выдачи «поаккуратней и получше» 30 аршин мануфактуры, раздачи мануфактуры агентам, вроде Хлебникова, прокурор говорит:

— Эти улики вполне достаточны, чтобы на многие годы убрать подсудимого из поля зрения пролегариата.

Второй вид преступления, который мы здесь исследовали, это хозяйственные преступления.

Призванный к власти рабочий класе сразу и везде поставит своих рабочих, образованных и техническиподготовленных красных директоров, администраторов и т. д., конечно, не мог.

Поневоле пришлось учиться у специалистов буржуазного строя, предоставляя им иногда в распоряжение ту

или иную производственную машину.

Сплошь и рядом, наравне с крупицами хорошего. усванвались приемы отжившего и, таким образом, заражалась та здоровая атмосфера, которая присуща рабочей среде.

Результаты этого разложения: перед лицом суда уже прошло не мало героев, отличавшихся любовью за-

пустить руку в Советский сундук.

Судебные процессы о хищениях в наших хозяйственных, органах, к сожалению, очень распространены в тот момент, когда главные задачи революции состоят в том, чтобы поднять на должную высоту нашу промышленность, без чего не мыслимо успешное движение революпии вперел.

Борьба с этими хищениями является первостепен-

ной в революционный период.

Оздоровление хозяйственных аппаратов одна из важнейших и серьезнейших задач; тем более важна борьба с подобными преступлениями, которые возникают на фабрике в горниле самого производства, где должны выковываться, сплоченные единой волей, рабочие и работ-

Они не могли об этом молчать и мешали преступникам творить их злую волю, вредную для дела тру дящихся.

Общество нашего переходного времени, не порвавшее психологически с привычками, унаследованными от старого буржуазного строя, сплошь и рядом, будет еще выпелять отдельных лин, которые будут время от времени вступать в борьбу. Иногда эта борьба кончается печально с кровавым финалом.

Дела подобного рода особенно волнуют широкне массы, а потому постановка этого процесса является интересной не только потому, что всякий убийна должен быть осужден и понести суровую кару, но и потому, что он должен дать острастку тем буржуазным элементам, которые не могут примириться с принципами пролетарского государства, тем элементам, которые время от времени поднимают свою шипящую голову и выпускают свой зменный яд, отравляющий общество.

И наконец третья гриппа обвиняемых — взяточники. Много энергии приходится тратить рабочему классу, чтобы изжить это проклятое наследие старого буржуваного строя в пролетарском государстве. В условиях развития НЭП'а, это преступление является наиболее гнусным. наиболее отвратительным, когда лицо сидит на службе пролетарната и, как предатель, продает интересы рабочего

класса, то нэпману, то кулаку. Взяточники, которые представлены в данной газете, посколько вина их будет доказана, не уйдут от суда без должного наказания борьба со взяточничеством велется во всю и эта борьба ни на один момент не должна ослабнуть. - борьба со взяточничеством есть злободневный вопрос и давности иля него не существует, а потому приговор по этому роду проступления будет иметь сугубо воспитательное общественное значение.

Лимонов и Ролионов.

Приводя характеристику Родионова прокурор го-BODHT:

- Родионов наделал мало гадостей лишь потому, что мало пробыл в Губтекстиле.

Получив 200 арш. мануфактуры, он часть истратил на нужды Губтекстиля, а часть присвоил себе, об'яснив это тяжелой нуждой.

Деяния его подходят под ст. 105, часть II.

Лимонов получает мануфактуру в разгар борьбы между матерыми помощниками Никишина и юным коммунистом Каминским.

Приехав на ревизию после убийства Каминского Лимонов пьянствует с Никишиным, получает взятку ввиде мануфактуры и уезжает домой.

Он подходит под статью 114, части 2-й Уголовного

Колекса.

- Я перехожу ко второму обвиняемому-Соколову,-

говорит прокурор.

— Подсудимый, состоял неофициальным членом тройки, Никишин-Иванов-Соколов, вершившие сульбы фабрики деятельно помогал Никишину в расхищении народного достояния.

Что представлял из себя Соколов, видно из показа-

ния его самого:

— За мной следили как за зверем.

Откладывая мануфактуру для того, чтобы снабжать ею преступников из Губтекстиля, Соколов также, как Иванов, способствовал Никишину подкупать должностных лип.

При определении меры наказания, не забудьте о важности дела порученного ему.

Лжесвилетели.

 Подсудимые Невольникова и Крылова утверждают. что они были в райкоме после первого свистка, а между тем, с полной несомненностью доказано, что убийство совершено до первого свистка,

Прокурор настанвает:

- Я в полной мере поддерживаю обвинение по отпошению названных обвяняемых.

Виновность в даче взятки Игнатьевым Петром инспектору Губрозыска — доказана.

Всем обвиняемым прокурор назначает соответству-

ющие статьи Уголовного Колекса.

Нет пошалы убийнам лучшего комсомольца.

Нет никакого сомнения в том, что убийцами Каминского являются Игнатьев и Бартеньев.

Свою четырехчасовую речь прокурор заканчивает словами:

- Сегодия происходит парад комсомола. Мы все вилели, как комсомольцы стройными рядами под звуки музыки шли с развевающимися знаменами.

- В этих рядах недоставало одного комсомольиа.

сраженного пулей подлых убийц.

Необходимо создать такие условия, чтобы комсомольцам не стояли на пути такие преступники, как Игнатьев и Бартеньев.

Пощады этим преступникам не должно быть.

Суд жестоко должен покарать их так же, как и пособников.

РЕЧИ ПРАВОЗАСТУПНИКОВ.

Речь правозаступника Гуськова. (Группы «Текстильщиков»).

Свою речь защитник бывших работников Губтекстиля начинает с того, что старается отмежевать эту группу от остальных участников данного дела.

Над всем делом веют две тени: светлая тень юного, коммуниста Каминского и мрачная, зловещая тень Никишина.

В сферу влияния этой последней и попала группа

обвиняемых Губтекстиля.

Факты—упрямая вещь и защитник соглашается с обвинением, что на лицо имеется типичное элоупотребление властью и дискредитирование ее.

Защитник просит суд о смягчении наказания Червякову и Лимонову и оправдания Вокова, Сальникова и

Помелова,

Речь правозаступника Власова.

Оратор указывает, что характерной особенностью этого тяжелого дела является то, что этому делу уже два года.

Вся бытовая обстановка, хозяйственная кон'юнктура, политическая жизнь страны изменилась.

Затем, оратор рисует тяжелое положение страны,

стоящие фабрики, голод.

Товарообменные операции администрации были не преступление, а необходимость,

Горко-Павловская мануфактура переживала эпоху «записочного хозяйства», и виною всех заключений является отсутствующий Никишин.

Далее оратор дает характеристику подсудимых.

Оратор говорит:

— Мне приходится переходить к тяжелой профессиональной обязанности — защите Михаила Игнатьева.

По мнению защитника, к Игнатьеву можно применить ст. 143 Уголовного Кодекса, т.-е. 3 года заключения.

Речь правозаступника Иванова.

Так как предыдущие ораторы уже дали полную картину преступления, как она рисуется защите, поэтому тов. Иванову приходится останавливаться на деталях обстоятельств, сопровождавших убийство и хищения.

В своей продолжительной речи защитник обеляет подсудимых и призывает суд смягчить свой приговор.

Защитник Александров.

Посоветовав суду относиться с осторожностью к данным предварительного следствия, оратор переходит к характеристике своих подзащитных

Защитник старается вызвать у суда чувство жа-

лости

По окончании речей защитников начинаются реплики обвинителей.

никишин перед судом.

Выдержки взяты из судебного отчета, печатавшегося в Иваново-Вознесенской газете «Рабочий край».

Председатель суда вызывает главного обвиняемого Ни-

кишина.

Никишин держится очень развязно, опирается на етол президнума суда, переговаривается с председателем...

— Вы можете давать показания стоя, а если хотите,

то сидя — предлагает ему председатель.

Обвиняемый соглашается давать показания, стоя,

 Признаете себя виновным? — спрашивает председатель.

Подсудимый рассеянно роняет - нет.

— Почему не было заприходовано 1.800 аршил мануфактуры?

В зале наступает мертвая тишина.

— 1.800 арш. были обнаружены мной. Прежний директор мало входил в дела ф-ки и фабрикой фактически управлял фабком. А в те времена панять рабочих можно было либо за мануфактуру, либо за хлеб. Приходилось производить товарообмен, так как иначе фабрика не могла работать.

— Сколько вы себе брали мануфактуры? — ставит

вопрос ребром преседатель.

 Ничего я не брал. Себе я мог взять, сколько хотел, в Иванове...

— А кому давали в Иванове?

 Червякову... — упоминается еще ряд фамилий. — Словом кому нужно было, тому и давал. — А рабочим давали?
— Их тогда еще не было.

— Если я давал 20 — 30 аршин мануфактуры служащим фабрики, то для фабрики это было капля в море,— словоохотливо поясняет свою мысль подсудимый.

Интересны показания Никишина насчет ответствен-

пости Бычкова.

 — Прожил он на фабрике три дня, страшно надоел всем, я ему дал 30 аршин мануфактуры, и он уехал.

А предварительно, этот сотрудник РКИ по диктовку обвиняемого написал акт о благополучном состоянии фабрики.

Относительно расходования мануфактуры дело обстояло просто. «Контора знает, сказал ей, что взял 1.000 арш. она спишет».

К убитому Каминскому, обвиняемый относился без-

различно.

— Убили... Одним меньше...

— Каминский был слишком упрям и горд. Но против

него я ничего не имел.

— На собраниях и заседаниях Каминский был постоянно. Он был в контрах со мною и это мне не нравилось. Про существование книжечки Каминского я знал, интересовался ею.

Интересны показания подсудимого о приеме служа-

щих на фабрику.

— Бартеньев хорошо нграл, пел, мне это нравилось

и я взял его на службу к себе.

Защита указывает на слишком развязное обращение нодсудимого и поднимает вопрос о его иепормальности.

Заслушиваются мнения экспертизы и постановлением суда, об'явленным в заседании 28 июля, дело Никишина выделено. Подсудимый Никишин будет отправлен для окончательной экспертизы в тюремную психиатрическую больницу.

ПОКАЗАНИЯ ОТЦА И МАТЕРИ ПАВЛУШИ КАМИНСКОГО.

Вызывается отец убитого Каминского. Он видимо

ваволнован, хотя и старается скрыть это.

В зале наступает мертвая тишина. Потихоньку утнрая глаза, Каминский — отец начинает сначала рассказывать обстоятельства получения вести о смерти сына, а затем о своих попытках разоблачить злоупотребления на фабрике.

— Сижу я в конторе... прибегает мальчишка, лица нет. Сына убили. Прибегает жена, кричит «это они убили

сына».

— Я хорошенько и не заметил, кто тогда был и что делал, — сдавденным голосом говорит он.

Видя, как все воруют, Каминский сын часто говорил отпу:

— Ты партийный и будь честным коммунистом. Не

запятнай ни себя, ни меня.

Мать Павлуши свои показания дает недолго. Сын часто давал ей на сохранение свою книжечку, в которой он записывал о злоупотреблениях.

Сын неоднократно ей говорил о том, чтобы эту кни-

жечку она никому не показала.

Плача, мать покойного Павлуши передает о последних днях его жизни.

ИЗ РЕЧИ ОБЩЕСТВЕННОГО ОБВИНИТЕЛЯ ТОВ. КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОГО.

(краткие выдержки).

Товарищи судьи Революционного Пролетарского Суда!

Две даты этого кошмарного дела хочу я напом-

25 апреля 1922 года, — после первого свистка на Рорко-Павловской мануфактуре, — момент убийства тов. Каминского, — и 25 июня, — начало разбора этого дела.

11 дней в этом душном зале мы разбирали это жут-

кое кошмарное дело.

Мое назначение, как общественного обвинителя члена РКП, заключается в том, чтобы провести взгляды партии и искать причину, сущность, подкладку этого преступления.

Не обвинять, а защищать...

Я не буду обвинять, — я буду защищать. Я буду защищать современное пролетарское общество от язв раз'едающих его, от источников, расхитителей и убийц.

Свисток траура.

Обвинитель дает подробную и обстоятельную харак-

теристику всех обвиняемых и их преступлений.

— На фоне этой дикой вакханалии, расхищения народного достояния раздался один лишь твердый голос протеста, — молодого комсомольца Павлуши Каминского и им ничего не оставалось, как убить этот молодой голос пролетарской совести. 25 апреля раздался фабричный свисток — и свисток этот возвестил в округе о смерти молодого ксммунара, смело боровшегося с организованной бандой расхитителей.

Комсомол требует суровой кары убийцам.

Не мне, революционеру, давать вам напутствие, тогда, когда вы собираетесь пойти в совещательную комнату, чтобы вынести суровый приговор всем участникам этого кошмарного дела.

Склоняя голову перед светлой памятью революционера Каминского нужно подходить к разбору этого педа.

Один из представителей защиты во время своей речи обмольнися:

- Господин прокурор...

В этом «господин прокурор» проскальзывают старые, консервативные взгляды представителей старого буржуазного суда.

Пролетарский суд есть орудие пролетарской дикта-

туры,

Вы являетесь представителями революционного пролетариата. Пролетариату месть чужда. Но тогда, когда мы творим новую, революционную жизнь, — и в процессе этого творчества на нашем пути стоят антиреволюционные элементы, — такие элементы должны быть строго наказаны пролетарским судом. Мягкотелая, колеблющаяся тактика правозатупников для нас, никоим образом, не приемлема.

Будем помнить, что достойной кары расхитителям и убийце— ждут в первую голову широкие массы комсомольской организации,— широчайшие массы рабочекрестьянской молодежи, выдвинувшие, так безвременно погибшего, Павлушу Каминского.

ПРИГОВОР.

Почти сутки происходило совещание суда. В 5 часов вечера началось чтение приговора.

Главные виновники: Игнатьев—сын, и Бартеньев подвергнуты лишению свободы сроком на 10 лет со строгой изоляцией.

Иванов и Соколов присуждаются каждый на 6 лет содержания в тюрьме со строгой изоляцией.

Червяков, Лимонов и Родионов — по 2 года содержания в тюрьме со строгой изоляцией.

Невольникову, Крылову и Игнатьева Петра подвергнуть лишению свободы на 1 год каждого.

Низяев присужден к заключению в тюрьме сроком на 5 лет.

Гречин подвергается лишению свободы с содержанием в тюрьме со строгой изоляцией на 3 года.

Гр-ку Голубеву и гр. Болотова, Помелова и Сальникова, за недоказанностью обвинения,— считать по суду оправданными.

В отношении Милентьевой на основании ст. 312 Угол. Процессуального Кодекса, дело о ее лжесвидетельстве передать на доследование.

Игнатьев — отец благодарит за суд, за милость.

Кланяется в пояс и говорит:

 Спасибо, батюшки! По темноте все это. Кабы знал... По темноте...

Раздается замечание.
— По темноте? А детей учите грамоте? Школы починили? Пров привезли в них?

Перед театром целый час стоит толна народу. Еще раз хочется взглянуть на печальных героев «записочной эпохи» Горко-Павловской м-ры.

В ДНИ СУДА.

ПУБЛИКА.

Процесс большой, шумный, громадного общественного значения и полон интереса для самых разнообразных слоев нашей общественности.

Рабочим занятно вникнуть в сложную и тонкую архитектору здания, именуемого «хозяйственная дея-

тельность».

По разному хозяйствуют. Одни из сил выбиваются. С утра до ночи на лесах постройки. А другие...

— В карман все наровят, — усмехается растрепанный дядя в ситцевой рубашке с заплатой. — Проворуются вот таким манером и начнут божиться, что нечистый попутал.

— Глаз бо-о-ольшой за ними нужен, — тянется собеседник в калишках на босу ногу. — Такая уж нация,

что держись.

Рабочий слушает процесс внимательно, неутомимо стоит на ногах и пробивает дорогу поближе к сцене театра, где сидят судьи.

На сцене, действительно, захватывающая драма. Простые, неученные, без мундиров, без золотых цепей люди судят ловкачей, среди которых изрядно дипломатов высшей и средней школы. Герой пропесса, Никишин, шумит. Говорят он — «свихнулся». Обвинение и защита скрестили шпаги по этому поводу.

- Никишин ненормален, - говорит защита.

— Никипин симулирует, — доказывает обвинение. — Да шут его дери, пускай даже помешался с перепугу, — бушуют в перерыв трое рабочих. — Рази в

этом суть? Настряпал то он здорово?...

Мещании любит всякие происшествия. Пожар. Утопленника. Большую драку. И толпится всюду, где шум. Глазеет, как говорится. Поглазеет, а потом чай пить пойдет. Мещанин, главным образом, внешностью процесса интересуется, не уясняя смысла.

— Какой прокурорище то высоченный. Вот так дядя! Кто, как одет, кто как держится, кто вон этот, с боронавкой, а вон этот в полосатых брюках, кто такой?

Обильно мещан на суде.

Не мало и хозяйственных деятелей. Эти равнодушны внешне, но мотают на ус замечания соседей и реплики сторон.

Ведь, как ни как, а процесс большой; окрик советской власти на бескозяйствен-

ность и разгильдяйство.

Впечатления.

Директор, завткапким отделом, завхоз ф-ки, его помощник — вот главные фигуры Никишинского дела.

Начало судебного разбирательства сразу не разгра-

ничивает способы выявления истины у сторон.

В то время, как защита цепляется к формальным сторонам показаний, доводя их иной раз до смехотворности, когда все пять защитников, наводящими вопросами получают нужные показания, в это время противная сторона — Губпрокурор тов. Ростовский и общественный обвинитель тов, Константинопольский докапываются до живой сути дела, пользуясь, конечно, не старыми приемами.

Завхоз Иванов — колесико немаленькое в этом грязном деле. Но представьте себе, — будучи заведующим хозяйством фабрики он не чувствовал за собой ни какой от-

ветственности.

Защита в лице гр. Власова начинает «спасать» Иванова: — Значит вы исполняли только распоряжения директора?

— Выходит так...

— И по существу были только сторожем лабаза?

- Да... только сторожем.

Но, когда тов. Ростовский минут через десять спрашивает Иванова, сколько получает жалованье сторож, следует ответ:

— По четвертому разряду...

— А вы?

— Я? По тринадцатому...

Аудитория искренне смеется над таким «сторожем». Да и вообще Иванов на скамью подсудимых попал прямо так, за «здорово живешь».

— Окорок коптил для Червякова?

— Так, гр-н, прокурор, своя охота вызвалась окоров

коптить. Тут без взятки.

Но наивность Иванова только на время. В ответ на вопрос председателя суда, тов. Лядова, почему он так слепо подчинялся распоряжениям директора Никишина, следует:

— Нам показывали журнал «Голос текстильщика» и там сказано, что директор — полный хозяин фабрики и ни ячейка, ни фабком не имеют право вмешиваться в

его дела.

Юрисконсульт Треста гр-н Гуськов тотчас же подтверждает суду, что такая «инструкция» действительно была.

Вот один из эпизодов судебного разбирательства. Нало

полагать, их будет много.

Но, конечно, грош цена всем этим показаниям, насквозь проникнутым ложью, желанием извернуться, избегнуть кары.

последний день.

Вынесен приговор.
Более суток суд все совещался.
Зал персполнен, как никогда.
В передних рядах комсомольцы, репортеры газет.
Настороженно выслушивается приговор.
— Амнистия к такой сволочи. — это уж зря.

В счет отбытия наказания осужденным засчитать время, проведенное в предварительном заключении.

Судебные издержки взыскать со всех выновных за исключением Невольниковой, Крыловой, Низяева и Гречина.

Гражданский иск отца убитого признать подлежа-

шим удовлетворению.

Освобожденные по суду растерянно посматривают, часть счастливо улыбается.

РАБОЧАЯ МОЛОДЕЖЬ ИВАНОВА В ДНИ СУДА.

Резолюция общего собрания бюро ячеек Иваново-Вознесенской городской организации.

Заслушав доклад тов. Пряхина о происходящем суде над убийцами дорогого и близкого нам комсомольца Павлуши Каминского, — единогласно требуем от народных заседателей Ивано-Вознесенского Губсуда суровсй кары убийцам Павлуши Каминского.

Пусть знают Никишины, пусть знают примазавшиеся к комсомолу Игнатьевы, пусть знают все мародеры хозяйственного фронта. — что в лице комсомольских ячеек они имеют Каминских, которые их будут бесжалостно разоблачать перед лицом широких пролетарских масс. — подняв свой молодой, мужественный голос против шайки матерых грабителей и убийц—Павлуши Каминского.

Сегодня, преклоняясь перед светлой памятью беззаветного друга и товарища — Павлуши Каминского, — Ивано-Вознесенская рабочая молодежь присоединяет свой голос к голосу рабочей и крестьянской молодежи всей губернии к требованию установления судом степени участия в убийстве комсомольца Каминского, — каждого из подсудимых.

Заслуженную кару расхитителям и убийцам из-за

угла!

К позорному столбу кулацкого сынка Михаила Игнатьева, смевшего примазаться к нашим рядам!

Да здравствует комсомол, неустанно выковывающий

в свеих рядах «Каминских»!

Вечная память, милому, дорогому Павлуше Каминскому!

Середский Уездный Пленум РКСМ от лица всей уездной организации клеймит позором убийц Павлуши Каминского, представших, наконец, перед пролетарским судом.

Середская уездная организация РКСМ гордится, что из ее рядов вышел беззаветный, мужественный

борец — комсомолец Павлуша Каминский.

Вспоминая с благоговеннем и любовью короткую, но полную лишений, борьбы и героизма, — жизнь Павлуши Каминского Середская уездная организация РКСМ вносит предложение ко всей Ивано-Вознесенской раб. молодежи — совместными усилиями поставить в Горко-Павлове памятник Павлуше.

Увековечим память славного, юного борца Павлуши. Смерть расхитителям народного хозяйства и убийцам лучших наших товарищей.

Середская уездная организация РКСМ. -

Резолюция Горко-Павловской ячейки комсомола.

В дни суда над убийцами того, кто организовал нашу ячейку, кто нас всех учил бороться за коммунизм, мы заявляем от имени всей рабочей молодежи Горко- Павловского района: смерть убийцам и расхитителям! Пусть пролетарский суд сурово накажет убийц нашего милого, славного Павлушки.

Вечная память организатору Горко-Павловской ячейки комсомола—Павлуш-

ке Каминскому.

Смерть его подлым убийцам.

^{*)} Из многочисленных резолюций, поступивших в Президиум суда, — приводим только три.

ИВАНОВО - ВОЗНЕСЕНСКИЙ КОМСОМОЛ и УБИЙСТВО КАМИНСКОГО

(Статья секретаря ИВ,-ВОЗНЕС. Губкома Комсомола В. ЗАВЬЯЛОВА).

Забитые молодые слои пролетариата, живущие на территории густо насиженных корпусов фабрик и заводов Иваново-Вознесенской губернии, еще в дореволюционные времена имели преданных беззаветных товарищей. Пролетариат «Красного Манчестера» часто вспоминает свое прошлое, вспоминает и тех, кто впереди всех честно и преданно стоял за дело трудящихся масс. Прошли годы, сменилась обстановка жизни пролетарната. Выросла мощная Республика Труда. Подросли новые слои рабочего класса и выросли новые герои борьбы. Прошедшие годы исторических событий годы беспощадных боев раскрыли картину новой жизни, и выдвинули тысячи молодых самоотверженных строителей нового общественного строя. Таких товарищей молодежь Иваново-Вознесенской губернии встречала не мало. Она встретит их сегодня и будет иметь в будущем.

Иваново-Вознесенская организация РЛКСМ в годы гражданской войны отдала сотни лучших товарищей, и эти товарищи выполнили с честью долг коммунаров. Из них не мало осталось на поле сражения. Часть находится в рядах красных бойцов и сейчас. Нарождаются новые герон и в процессе хозяйственного строительства страны. И если в гражданскую войну из среды комсомольцев погибали порой лучшие товарищи, то в условиях НЭП'а мы это, хоть и реже, но видим. Так в 1922 году 23 апреля из Иваново-Вознесенской организации выбыл искренне преданный, глубоко талантливый комсомолец Павел Каминский. День убийства Каминского тогда не был особенно памятным и чем то выдающимся, но организация чувствовала боль еще непонятного по причинам невыяснения случая убийства. И лишь через две недели были получены кое-какие путанные сведения секретаря Укома.

Вскоре, после убийства, для выяснення Губком Комсомола поручил т. Никитину ознакомиться подробно с делом «самоубийства». Пробыв несколько дней на месте происшедшего, Никитин присоединился к требованиям Веденова о назначении судебного следствия. (1923 г. 23 июня). Протоколы организаций союза нередко пестрили резолюциями по поводу убийства тов. Каминского. В них требовалось расправы с преступниками. В этот же самый период другой комсомодец убийца Каминского член Губкома РЛКСМ, работавший ранее секретарем Тейковского Укома, пытался несколько раз заручиться от Губкома документами о его работе в Губкоме, преданности делу и т. д., но все его попытки были решительно отвергнуты.

23-го июля происходил процесс суда, и Иваново-Вознесенский Губком собирает всех секретарей ячеек города, где первым вопросом стоит вопрос о суде над убийцами Павлуши Каминского. Это совещание от имени 6.000 организованных комсомольцев вынесло резолюцию, которая была направлена в судебное следствие, за ней из уездов и от ячеек посыпались резолюции — все тре-

бующие строгой кары над убийцами.

Иваново-Вознесенская организация РЛКСМ в своей истории имеет много героических страниц. Эти страницы будут служить ярким светом для молодежи не только «Красного Манчестера», но и всего Советского Союза.

Место, где погиб молодой коммунар Павлушка, Ивановским Комсомолом будет отмечено памятником н

имеющимся клубом рабочих имени Каминского.

В сердцах широчайших масс рабочей молодежи Павлушка Каминский будет жить вечно...

БЕЛОГВАРДЕЙСКАЯ ГАЗЕТА ОБ УБИЙСТВЕ КАМИНСКОГО

В газете "Дни" издаваемой эс-эровской партией, заядлыми врагами рабоче-крестьянской власти,—появилась большая статья, посвященная убийству комсомольца Каминского.

Статью писал один из редакторов газеты, один из вождей заграничных белогвардейцев, — Зензинов.

Несколько выдержек из этой статьи дадим читателям нашей книги.

Начинается статья с того, что в Горко-Павлове произошла ужасная трагедия,—убит комсомолец Каминский, привлечены к суду ряд элейших преступников.

Но после этого краткого сообщения,—Зензинов сразу же ставит вопрос: кто виноват в "гнойной язве Горко-Павловской мануфактуры"?

Оказывается виноват не Никишин, и не кто-либо из Ивановых и Бартеньевых,—а виновата... коммунистическая партия.

Вот слова Зензинова:

"...Почему могла произойти вся эта Горко-Павловская история? Конечно, не потому, что была слаба связь центра с местами,—а потому, что директором был коммунист..."

Жалко, что Зензинова не было в Горко-Павлове: Никишин с удовольствием заменил бы им нерасторопного Соколова... Уж больно занятно об'ясняет все случившееся

вождь заграничных эс-эров.

Виноват не сам Никишин,—а то, что в его кармане лежал партбилет члена коммунистической партии. Это его и сделало преступником. Это его и заставило убить комсомольца Каминского.

Послушаем дальше, как об'ясняют враги больше-вистской партии, враги ленинского комсомола слу-

чившееся в Горко-Павлове:

"...Всемогущество коммуниста и комсомольца в современной России и есть ее гнойная язва. И лекарство от этих язв только одно: право и свобода общественной критики. — возможность устранить то, что эту общественность раз'едает".

Итак, Зензинов дает универсальное лекарство освобождаться от "Никишиных". Для этого, по мнению этого эс-эровского недоноска необходимо... убрать Каминских!.. Сбросить с рядов рабоче-крестьянской обшественности Каминских!..

Надо "действительно устранить" то, что

общественность раз'едает, т.-е. Каминских!

Устраняя Никишиных,—говорит нам Зензинов, мы не излечиваем "Никишинской язвы",—чтобы "действительно излечиться от этих гнойных язв, надо... устранить Каминских"!

Итак завершение логической мысли Зензинова: подлинным виновником смерти Каминского

является Каминский!

Давайте, советует нам Зензинов, устраним совершенно и "действительно" Каминских ("всемогущество коммунистов"),—и тогда, уверяет этот хитрый малый никто их не будет убивать.

Но что значит на языке эс-эров "устранить"? Конечно, именно то, что сделал Никишин!..

Какая жалкая, беспомощная запутанность!..

Какая осязаемая духовная связь между Никишиным и Зензиновыми! Между уголовными преступниками и образованными вождями партии эс-эров.

Самый темный, забитый крестьянин Середского уезда сможет помочь европейски-образованным эсэрам правильно об'яснить ту "гнойную язву", которая в лице Никишина раз'едала более года Горко-Павловскую мануфактуру.

Этот темный крестьянин сможет об'яснить Зензинову (если только он не погнушается поговорить с "настоящим советским мужиком"),—что Никишины, Гречины, Низяевы, Игнатьевы, Лимоновы это то, что нам осталось в наследство от старого.

Что те же Никишины, Гречины, Игнатьевы, Лимоновы неустанно выкорчевываются из нашей жизни.

И что еслиб не работа их, Зензиновых, идейно поддерживающих разрушительную работу этих ублюдков, —то меньше Каминских погибло б.

Что наличие Лимоновых в Губтекстиле, Низяевых в судебных органах, Игнатьевых в организации комсомола,—не следует обобщать.

Чуждые прослойки во всех этих организациях были и еще будут, ибо слишком темное и тяжелое наследство досталось советской власти.

Но разве прилизанные белогвардейские ханжи этого сами не понимают?

В заключение еще одна небольшая цитата из того же Зензинова относящаяся к самому Каминскому: "...И только молодой комсомолец—ввиде редкого исключения, нашел в себе мужество... и т. д.".

Так путается белогвардейская газета. Путается, ибо с одной стороны ей отрадно видеть, что не перевелись Никишины в советской стране, но с другой—ей нельзя не видеть, что в той же стране растут Каминские...

оглавление.

	Cmp.
От автора	7
Program unaturiorus	9
Глава I. Горко-Павлово	11
и Самоубийство Павлуши Каминского	17
и Потетво Павлуши Каминского	22
II. Детство Павлуши Каминского	26
	35
VI KOMCOMORISCKUЙ HIKET ODVIVET	40
	48
VIII Постанови. Бюро ИвВознесенск. I убкомыбыла	53
1Х Ворька Веленов	62
1X. Борька Веденов	1 00
моубийству	67
XI Можно ли стреляться в ватылок?	73
VII Теати в бывшей конюшне	80
VI.I Hownvyund rnoformuka	85
XIV. Странное следствие	88 93
XV. Балалаечник Бартеньев	97
XVI. II. И. Гречин. Оптом и врозницу	102
VINI VAM WANDGHUA	Cardendaria
УУЛП Поподиный убийна-Михаил Игнатьев	0.000
VIV 2 GRITANUA R CORRT TOVIA N COODONS	117
	122
Vert Deserved TODGROTPO	A STATE OF THE PARTY OF THE PAR
XXII _0. H.*	135
XXII "О. Н."	141
XXIV. Накануне развязки XXV. Убийство	147
XXV. Убийство	152
XXVI. Павлик	0 159
XXVI. Павлик Приложение 1. Суд над убийцами Павлуши Каминског	5 100
Притожение 11 Иваново-Вознесенский помочной и долг	
OMNO K BARRICKOPO	
Приложение III. Велогвардейская газета об убийств	185
Каминского	100
And the state of t	